

PRIME
WORLD

Праймашина

ВАДИМ ПАНОВ

Prime World

Вадим Панов
Праймашина

«ЭКСМО»
«Панов Вадим»

2011

Панов В. Ю.

Праймашина / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2011 — (Prime World)

ISBN 978-5-699-52983-4

Когда-то мир Праи был прекрасен. Огромный материк занимало одно государство – великая Империя, в процветающих провинциях которой царил прочный мир. Но чудовищный Катаклизм погубил единое государство, и на его обломках были созданы два новых: Империя Доктов и Адорнийское королевство. Очень скоро выяснилось, что таинственный прайм, появившийся в мире сразу после Катаклизма, обладает необыкновенными свойствами. Он способен трансформировать материю до неузнаваемости, исцелять и даже воскрешать. Тот, кто обладает праймом, – обладает силой и властью. И бывшие сограждане стали непрерывно соперничать между собой в искусстве овладения праймом и в захвате все новых его месторождений. И однажды это соперничество привело к большой войне, победу в которой одержала Империя. На некоторое время между доктами и адорнийцами установился хрупкий мир, но когда великий ученый Безвариат создал загадочную Праймашину, проблем у обитателей Праи сильно прибавилось...

ISBN 978-5-699-52983-4

© Панов В. Ю., 2011

© Эксмо, 2011

© Панов Вадим, 2011

Содержание

Пролог	6
Часть I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вадим Панов Праймашина

Все обитатели мира уверены, что великие свершения и подвиги возможны исключительно во время войн. Что лишь безжалостный огонь постоянных сражений являет нам истории, достойные пера сказителей. Что повседневная жизнь пресна, и нет в ней событий, способных стать легендами.

Все обитатели мира искренне верят в героику большой войны.

И не понимают, что историю творят не мечи, а люди. Их трусость и отвага, подлость и стойкость, честолюбие и вера – люди ведут за собою мир, и не важно, полыхает ли вокруг война, или же тихо текут спокойные будни. Не важно, потому что тот, кому суждены великие дела, не обращает внимания на такие мелочи – он идет к своей цели. Он упрям и тверд, он преодолевает преграды и знает, что свершения его будут грандиозными. И еще он знает, что помешать ему способен лишь столь же сильный человек.

Эта история произошла в 70-м году Эры Прайма, всего за несколько лет до начала Второй войны между империей Доктов и Адорнийским королевством.

В этой истории были предательство и самопожертвование, ненависть и любовь, гениальные открытия и жаркие схватки, власть императора висела на волоске, но... Но эту историю забыли. О ней не рассказывают университетские профессора и не слагают баллады менестрели, ее участники либо мертвы, либо предпочитают молчать, а значит, этой истории не было.

Пролог

Нет ничего на этом свете прекраснее и возвышеннее, чем вид океана. Чем вид непоседливых, пребывающих в вечном движении волн, простирающихся настолько далеко, что ни взгляд человеческий, ни даже разум неспособны осознать огромность сих просторов – лишь их величие. Океан завораживает, приковывает к себе, и необязательно, чтобы сам он был при этом спокоен – совсем нет. Полный штиль или грохочущие волны, яростно бьющие в скалистый берег, легкое волнение или разгулявшийся шторм – не важно, океан велик в каждом своем образе, и его невероятная мощь заставляет любого человека ощущать себя жалкой песчинкой. Заставляет задуматься о том, как легко потеряться среди невероятных просторов неистового. А еще, возможно, заставляет радоваться тому, что наслаждаться океаном ему повезло с безопасного расстояния, а не с качающейся палубы хрупкого корабля.

Большое лучше всего видится на расстоянии, например – из окна высокой башни, продолжающей своими толстыми стенами могучую прибрежную скалу. Из просторной, но съежившейся из-за многочисленных книжных шкафов комнаты, которая служила Безвариату Сотрапезнику кабинетом, в которой он частенько уединялся, дабы спокойно поразмышлять под мерный шум великого океана. Полюбоваться им, успокоиться...

Как правило, подобные часы отшельничества приводили Сотрапезника к удивительным открытиям, прославившим его имя на всю империю Доктов, но сегодня мысли Безвариата были неимоверно далеки от любимой работы. Сегодня они были тяжелы, как десятиметровая волна, и беспросветны, как безлунная ночь. Сегодня Сотрапезником владела тоска, разогнать которую не мог даже сказочный вид океана.

Сегодня...

«Океан велик и могуч, но он скован берегами. Как ни смешно – скован. Его невероятная сила в полной мере проявляется лишь там, где океан есть. В его царстве. В его тюрьме».

И Безвариату вдруг показалось, что океан – это он. Могущественный, способный на все, но... скованный, запертый в темнице берегов. И все его невиданное могущество способно вызвать жалостливую улыбку даже у песчинок.

«Я в тюрьме!»

А самое печальное – в тюрьме, выстроенной собственными руками. И стены ее – его идеи, его чувства. Как сокрушить стены, когда они внутри? Как заставить себя отвергнуть все, чем жил последние годы?

Как?

Но и оставаться в тюрьме нет никаких сил. Ведь океан, случается, выходит из берегов! Обрушивает ярость на прибрежные скалы и рвется дальше, в глубь земли, заливая леса и поля солью победы. Сокрушая все, что оказывается на пути. Сбрасывая хоть на время незыблемые оковы. Океан не успокаивается, он вечно воюет со своей тюрьмой, а он, великий Сотрапезник, – океан. И значит...

– Безвариат!

Женский голос выдернул ученого из глубокого раздумья, в которое он погрузился, стоя у стрельчатого окна. И пусть великолепная панорама не принесла привычного умиротворения – ученого продолжали одолевать тяжкие мысли, – вид невысоких волн, с бесконечным упрямством накатывающих на торчащие у подножия башни рифы, сумел захватить Сотрапезника. Захватить настолько, что он не услышал ни шагов, ни скрипа открывающейся двери, а потому внезапный оклик заставил ученого вздрогнуть. Он резко обернулся, подслеповато уставился на вошедшую в кабинет женщину и машинально пригладил пышную седую бороду:

– Агата?

– Да, мой милый Безвариат, это я. Неужели ты думал, что кто-нибудь еще осмелится войти в твою берлогу без разрешения?

Женщина тихонько рассмеялась, и мелодичный смех поверг Сотрапезника в томление. В такое привычное и такое сладкое томление, очаровывающее не хуже океана.

«Агата...»

Агата Луиза Мария Франциска Андреа, леди Кобрин, сиятельная владелица обширной и богатой Кобрии, самой южной доктской провинции. Сиятельная во всех смыслах: и по происхождению, и по несравненной красоте, о которой складывали восторженные гимны все менестрели империи.

Высокая, стройная блондинка с большими небесно-голубыми глазами, она резко отличалась от смуглых и черноволосых южанок – семья Кобрин происходила с севера, родословную вела еще со времен старой империи, и предки Агаты тщательно следили за чистотой своей благородной крови. Одевалась леди изысканно, модные тенденции узнавала одной из первых, и ее роскошное алое платье было создано известнейшим столичным кутюрье. Прелестную шею Агаты украшало ожерелье из мусванских рубинов, а на голове поблескивала диадема.

Это облачение, вкупе с горделивым взором и царственной осанкой, превращало Агату в настоящую владелицу: недоступную и холодную, однако с Сотрапезником она вела себя не просто мягко, а по-дружески, как с очень близким человеком.

– Ты показался мне печальным, Безвариат, – участливо произнесла леди. – Что-то случилось?

«Она действительно еще не знает? Или это игра?»

Сотрапезник неопределенно повел плечом и вновь пригладил бороду знаменитым на всю империю жестом:

– Наш эксперимент...

– Ты говорил, что разработка идет по плану и ты сможешь справиться со всеми препятствиями.

Она перебила его очень мягко, не позволив зародиться даже тени раздражения. Она умела вести трудные разговоры, и Безвариат в очередной раз понял, как много он проигрывает этой сильной и умной женщине.

«Никто не обвинит меня в том, что я попался в твои сети, Агата, – ты слишком хороша».

А сети ослепительной леди – часть стен его темницы. Самая крепкая часть.

– Ученые изыскания полны неожиданностей, сомнения естественны, – промямлил ученый.

– Безвариат Сотрапезник сомневается в своих силах?

– Увы, Агата, никто не застрахован от ошибок.

Женщина подошла ближе, и ее тонкие длинные пальцы нежно прикоснулись к щеке ученого:

– Даже ты?

Одним коротеньким вопросом леди Кобрин сумела выразить и свое изумление услышанным, и нестигаемую веру в гений Безвариата. Она смотрела на ученого так, как в древности люди смотрели на богов, но теперь у Сотрапезника было противоядие от этого взгляда. Но только от него – порвать опутавшую его сеть он не мог.

– Даже я, – подтвердил Безвариат, продолжая затеянную леди игру в «Мне ничего не известно». – Настоящий ученый обязан сомневаться, обязан искать другие пути, новые дороги...

– А чем плоха правильная?

Сотрапезник осекся, и возникшая пауза позволила леди Кобрин с жаром развить мысль:

– Тернист и сложен путь, по которому идет настоящий ученый. Ошибки, неудачи, проваленные опыты и бесконечные сомнения – вот чем отмечена дорога к знанию. Но цель – цель

стоит усилий и мук. Великое открытие дается не каждому – только упорному и умному, это знает всякий докт. Ты оступился, но мы – рядом. Мы поддержим тебя, поможем снова встать. – Коротенькая пауза. – Эларио Хиравы не сомневается в успехе.

– Он маг, – буркнул Безвариат просто для того, чтобы остановить стремительную речь Агаты.

– И что?

– Маги, особенно сильные, особенно адорнийцы, изначально поставлены в иные условия. Сила Эларио напрямую зависит от его эмоций, от его веры в себя, а потому Хиравы не имеет права сомневаться. В противном случае у него действительно ничего не получится.

– У тебя на все есть ответ, Безвариат.

– Иначе бы тебе служил другой ученый, Агата.

Удивленный взгляд, хрустнувшие пальцы, трагический голос:

– Ты не служишь мне, Безвариат! Ты – мой друг.

Ей следовало бы стать примой бродячего театра, но происхождение не позволило.

«А ведь когда-то я верил каждому ее слову...»

Действительно, он считал себя другом кобрийской владелицы, и даже больше чем другом. И не без оснований. Но теперь многое изменилось, очень многое.

– Разве наш замысел не плод совместных размышлений? Разве ты больше не считаешь, что мы создаем будущее? Лучшее будущее, чем то, что уготовил нам император?

Как же трудно отвечать на прямые вопросы! Сотрапезник даже репетировал это мгновение, уверенно повторял перед зеркалом гордые ответы, но, встретившись с Агатой лицом к лицу, растерялся.

И выдохнул:

– Считаю.

Она по-прежнему оставалась его леди. Его любимой леди.

– Тогда почему ты говоришь, что служишь мне?

– Извини.

Как разрушить стену, которая внутри? Наверное, постепенно. А что делать, если не получается?

– Нас ждет очень серьезный эксперимент, – улыбнулась леди Кобрин. – И мы все немного нервничаем.

– Да.

«Она не просто так упомянула опыт. Она все знает и уверенно подводит разговор к нужной теме. Агата, Агата... Я читаю тебя, как раскрытую книгу. Жаль, что я научился этому так поздно».

И жаль, что даже сейчас он не может эту книгу порвать. Не может, и все.

– Я слышала, ты отправил Яна Стеклодува в Фихтер?

Замечание прозвучало беззаботно, между делом, но Сотрапезник вздрогнул.

«Началось!»

И вновь пригладил бороду.

– Мне потребовались кое-какие книги.

Однако нервный жест прямо указывал, что ученый лжет. Неумело и неловко.

– А как же моя библиотека?

– Нельзя собрать все книги мира.

– Согласна, – кивнула Агата и легко продолжила: – Как ты знаешь, в последнее время на дорогах появилось много Чуди, и я подумала, что глупо отпускать столь ценного помощника без охраны.

– Замечательная мысль, – ровно произнес Безвариат. – Спасибо.

– Но возникло небольшое недоразумение, – с прежней мягкостью продолжила леди Кобрин. – Раздаватель не смог догнать Стеклодува.

– В Фихтер ведут две дороги.

– Поэтому, кроме Раздавителя, я отправила за Стеклодувом Улле Изморозь. – Агата внимательно посмотрела на ученого. – Который тоже никого не нашел.

– Я приказал Яну быть осторожным, – улыбнулся Сотрапезник. – Как ты правильно заметила, в лесах полно Чуди...

– Что происходит? – неожиданно резко спросила леди. Дружеский разговор закончился, сейчас перед ученым стояла раздраженная владельница, требующая прямого и внятного ответа. – Какую игру ты затеял?

– Совсем наоборот, – вздохнул Безвариат. – Совсем наоборот, Агата, я прекращаю игры.

Он медленно прошелся по кабинету, с рассеянной улыбкой оглядывая стоящие на полках книги, и вернулся к распахнутому окну, из которого открывался поразительный вид на заключенный в тюрьму берегов океан.

– Я считаю, что мы зашли слишком далеко.

– Ты считаешь? – саркастически поинтересовалась леди Кобрин.

– Да, – твердо ответил ученый. – Наш замысел чудовищен.

– Мы принесем мир всем людям!

– Но какой ценой?

– Приемлемой.

– Чудовищной.

«Что ты знаешь о чудовищах?»

Агата поняла, что случилось самое страшное: трещину дали убеждения ученого, его взгляды, а как справиться с этой напастью, леди Кобрин пока не представляла. Сотрапезника, случалось, посещали приступы сомнений, неуверенности в собственных силах, паники... Как все великие, он был натурой тонкой, ранимой, но при этом – как все великие – умел добиваться поставленной цели. Поскольку верил, что идет правильной дорогой. А сейчас эта вера пропала.

– Мне доложили, что Праймашина заблокирована, – жестко произнесла Агата.

– Я внес кое-какие изменения, препятствующие ее работе, – подтвердил ученый и пояснил: – Мне нужно было подумать. И поговорить с тобой.

– О наших планах?

– Именно.

– Я не отступлю.

Сотрапезник кивнул.

– Спасибо за честный ответ.

– Спасибо, что позволил ответить. – Леди Кобрин вновь сменила тон, теперь ее голос звучал необычайно проникновенно. – Безвариат, что происходит? Почему ты...

– Разочаровался?

– Засомневался.

– Разочаровался, Агата, именно разочаровался. – Ученый помолчал. – Мы идем не туда.

Мы перевернем мир...

– Разве не это было нашей целью?

– ...и ввергнем его в хаос. – Безвариат «не услышал» замечания леди. – Они будут защищаться, что приведет к страшному кровопролитию. Мы не продумали всех последствий.

– Продумали! И наш путь – правильный!

– Они тоже люди!

– Были ими!

– И хотят оставаться!

– Герои – угроза для всех!

– Наш план не оставит им выбора! Только война!

– А чем они занимаются сейчас?! – Затянувшийся спор наконец-то вывел Агату из себя и заставил выплеснуть на Безвариата накопившееся раздражение: – Они не знают ничего, кроме войны! Их готовят к войне! Их обучают убивать без раздумий, без сожалений, просто убивать, пользуясь своей чудовищной силой! И когда Героев станет достаточно много, их спустят с цепи, и мирные земли вспыхнут! Кровь и смерть – вот что несут Герои нашим землям! Всем землям!

– Война вспыхнет в любом случае!

– Мы можем ее предотвратить!

– Не можем!

Леди Кобрин сделала шаг вперед.

– Что ты изменил в Праймашине?

Ярость вырвалась наружу, и в глазах ученого мелькнул испуг. Впервые в жизни Безвариат видел кобрийскую владительницу в таком состоянии.

– Агата, остановись!

– Отвечай!

– Давай еще раз все обсудим.

– Ты меня предал.

– Нет... – Сотрапезник хотел продолжить, но дверь распахнулась, и в кабинет шагнул Том Исподлобья – любимый чистильщик леди Кобрин, жилистый Герой, вооруженный причудливо изогнутым оружием, сочетанием меча и острой бритвы. Это был плохой знак, очень плохой, и заготовленные слова растворились в приступе страха. – Агата, пожалуйста, остановись.

Но овладевший ученым ужас лишь подстегнул владительницу.

– Тебе придется ответить на мой вопрос.

– Мы всегда обсуждали важные решения.

– Именно поэтому я рассердилась, узнав, что ты без всяких обсуждений сломал Праймашину. Ты меня предал.

– Я хотел привлечь твоё внимание.

– Тебе удалось. Том!

Исподлобья уже достиг центра комнаты, и теперь их с Безвариатом разделяло всего пять или шесть шагов – сущая мелочь для настоящего Героя.

– Агата, опомнись!

– Ты еще можешь все исправить.

– Убери убийцу!

– Говори правду!

– Нет!

Том бросился вперед. Стремительно, как это умеют лишь Герои, но все равно опоздал, потому что Сотрапезника отделял от смерти даже не шаг – движение.

Едва Исподлобья рванулся к нему, ученый подался назад, в распахнутое окно. К океану, что мерно гудел далеко внизу. К волнам, бьющимся о черные рифы. К единственному выходу из тюрьмы, который он смог отыскать.

– Нет!

Агате показалось, что Исподлобья успеет, что схватит падающего ученого за мантию и втащит внутрь, в безопасность кабинета. В какое-то мгновение Агата верила, что ничего не потеряно. В какой-то миг Агата встретила глазами с человеком, который ее любил.

А потом поняла, что Герой не успел и старый ученый летит вниз, на скалы, навсегда уходя из ее жизни.

Часть I

Гридвальд

Если выехать из Нео-Лафорта, столицы Доктской империи, через наиглавнейшие Имперские ворота и направиться по одноименному тракту на юго-восток, то примерно через две недели неспешного пути можно достичь границ безжизненной зоны, которая стала много лет назад эпицентром всемирной катастрофы. Старики рассказывали, что серые ныне земли были некогда цветущим садом, что леса зоны были густыми, а водились в них обычные звери, а не кошмарная, жаждущая крови Чудь. А еще старики говорили, что в самом центре зоны прячется прежняя столица мира, великий город, построенный великим императором, и что столица та не разрушена и скрывает необыкновенные тайны, способные возвысить любого, кто до них доберется. Но так это или нет, никто в точности не знал, ибо люди предпочитали обходить серую пустыню стороной. Путники сворачивали с Имперского тракта задолго до границы угрюмых территорий и шли на запад, в богатые рудой горные области империи Доктов. Или же отправлялись на юг, углубляясь в бескрайние чащобы Идмарской Пущи, лордов которой столичные снобы презрительно именовали лесовиками.

За глаза, естественно, именовали, поскольку бросать открытый вызов бойцам, привыкшим постоянно сражаться с беспощадной Чудью, эти хлыщи не решались.

Густо поросшая лесом, усеянная бесчисленными озерами и мелкими речушками, Идмарская Пуща была поделена более чем на двадцать владений, похожих одно на другое как кристаллы прайма. Дома и замки тут строили из плохого, ноздреватого камня, быстро обрастающего зеленым мхом, поля возделывали без желания, предпочитая кормиться лесом, а торговали в основном мехами. Из развлечений: пиры, охота да истребление Чуди – даже любимые доктами научные конференции и выставки достижений здесь не проводились – кто бы на них съезжался? Раз в месяц объявлялся имперский глашатай: сообщал на главной площади последние указы, приватно пересказывал сплетни, напивался, после чего отправлялся в следующий медвежий угол. Раз в шесть месяцев являлись имперские мытари: трясли налоги, приватно пересказывали сплетни, напивались, после чего отправлялись в следующий медвежий угол. Раз в год прибывала Передвижная Ученая Комиссия, отбирающая одаренных недорослей в столичные школы... Следует ли упоминать, что, отработав положенное, члены высокой Комиссии приступали к приватному пересказу сплетен, после чего напивались и отправлялись в следующий медвежий угол? Не стоит – и так понятно.

Другими словами, идмарские владения были самыми провинциальными из всех провинций империи, однако расположенная посреди Пущи Гридия резко отличалась от соседней как размерами, так и богатством. В ее главном и единственном городе, незамысловато названном Гридвальдом, сходились четыре основные дороги, полноводная Клейка добавляла еще два направления, что и делало столицу Гридии удобной для купцов и прохожих. Кроме того, первые гридийские лорды не поленились выстроить свой город из твердого серого камня, надежно защитили его по всем имперским канонам, зорко следили за порядком, и теперь их потомки получали неплохой доход и от торговли, и от сборов с путешественников. В Гридвальде везли товары со всей Пущи, сюда приходили купцы за мехами и лесом, дважды в год здесь устраивались большие ярмарки, но и между ними жизнь не затихала. Лавки, трактиры и постоянные дворы работали постоянно, и пусть по имперским меркам Гридвальд считался городом небольшим, равных ему в Идмарской Пуще не было.

Но за все в этой жизни приходится платить. Обретя положение относительно большого торгового центра, Гридвальд перестал походить на сонные идмарские городки, в которых едва теплится жизнь и каждый знает всех остальных горожан с детства. Где процветает торговля,

там всегда появляются большие деньги, а где есть деньги, туда устремляются жадные до них люди. Честные, не очень честные и настоящие бандиты...

- Стой!
- Я свой!
- Иоганн?
- А кто же?
- Не узнал.

С одной стороны, в темноте – немудрено. В этой части Гридвальда фонари современные, много света дающие, в целях экономии прайма не ставили, а за старыми, которые со свечками, никто не следил. Темень стояла хоть глаз выколи, но на бегу стражники грохотали так, что не опознать сослуживца было решительно невозможно.

- Видел его?
- Да.
- Куда рванул?
- К реке! До Клейки добраться хочет! Через Соколиное Поле пройдет...
- Не пройдет!
- Мимо нас двоих – запросто.
- Все в порядке, Иоганн, тревогу уже объявили, скоро здесь все оцепят.

Голоса удалялись, и Ян Стеклодув рискнул выглянуть из убежища, в котором успел спрятаться в самый последний момент.

«Уходят?»

Да, уходят. Не заметили.

Стеклодув глубоко вздохнул и осторожно выбрался из сломанной бочки, превращенной местными обитателями в большое помойное ведро. Вонь из бочки поднималась невыносимая, и, видимо, поэтому стражники побрезговали осмотреть ее содержимое.

«Значит, к воде вы меня не пустите, да? Плохо, очень-очень плохо... Но посмотрим, как вам это удастся...»

Уйти из ставшего неприветливым Гридвальда по реке было единственной для Стеклодува возможностью спастись. Каменные стены высоки, все ворота заперты, стражники, хоть и допустили кучу ошибок, вскоре опомнятся. Не сами, конечно, а при помощи: примчатся злые, невыспавшиеся офицеры, раздадут пару-тройку затрещин и заставят искать беглеца по-настоящему. Как положено. Но совсем плохо станет, когда придут Герои. А они обязательно придут. И, к сожалению, не только местные оболтусы, привыкшие по лесам бродить в поисках Чуди, а настоящие, натасканные на людей волки, воспитанные жестокой леди Кобрин. Впрочем, и на волков можно найти управу, было бы желание. Остробой заряжен, на выстрел, а то и на два прайма хватит, так что сдаваться кобрийцам без боя Стеклодув не собирался.

«Надо добраться до лодки!»

До маленькой посуды, которую он купил вчера и припрятал рядом с доками. По воде, в темноте, вдоль берега, хоронясь за камышами и зелеными оградами ив, он уйдет. Как пить дать уйдет. Только бы к берегу выйти...

Ян скривился, поправил наспех наложенную на руку повязку – один из стражников все-таки достал его арбалетным болтом, и осторожно двинулся по темному переулку Соколиного Поля вниз, к реке.

– Почему фонари не горят?

Что, Чудь вас всех забота, за бардак? Городишко-то не бедный, в отличие от всего идмарского захолустья, из нормального камня строенный. Вдоль мощеных улиц столбы с прайм-фонарями понатыканы, а толку от них, как от дохлого осла.

- Высочайший указ лорда Датоса.
- Какой еще указ?
- В целях экономии средств...

Провинциалы берегут дорогуший прайм. Замок и главную площадь осветили, а окраины не стали. Ладно, с этим понятно, но обычные фонари почему не горят, а? Дикари проклятые! Лашар сжал кулаки.

- Дальше можешь не продолжать.
- К тому же это последняя улица с фонарями, в Соколином Поле их вообще нет...
- Я же сказал: заткнись!
- Как скажете.

Факелы, что держали в руках стражники, хорошо освещали лицо гридийского офицера, а потому он сдержал довольную ухмылку: что, скотина, съел? У нас тут свои порядки, и они нам нравятся. Так что неча нос задирать...

Но улыбку офицер сдержал, потому как ругаться с Маркусом Лашаром по-настоящему ему не хотелось. Уж больно жестким был взгляд кобрийца, и весьма внушительными выглядели стоящие за его спиной Герои.

- Я токма объяснить хотел.
- У тебя получилось.
- Вот и пожалуйста.

Будь его воля, гридиец ни за что не стал бы помогать кобрийцам в поимке опасного преступника. Вам надо? Сами ловите, зазнайки, неча людей отвлекать. Но лорд Датос распорядился иначе, и вместо теплой постели офицеру приходилось топтаться на холодной улице в компании чванливого кобрийца.

- Где последний раз видели беглеца? – угрюмо поинтересовался Маркус.
- У трактира «Дымный очаг», – с готовностью сообщил гридиец. – А опосля он в Соколиное Поле порскнул, там есть где спрятаться.
- А мы где?
- У трактира «Хитрый Каспер».
- Карта Гридвальда есть?
- Две!
- Где? – спросил Лашар, предчувствуя подвох.
- Одна в замке лорда Датоса, и вторая тоже.

Кобриец скрипнул зубами, стоящие за ним Герои недовольно заворчали, воевода Раздатель негромко пробасил что-то насчет саботажа, но у офицера было железное объяснение:

- Согласно указу лорда Датоса, в целях экономии средств.

Правильно, чего карты зря трепать, если каждый стражник знает Гридвальд, как свои пять пальцев? А что чужаки в нем путаются, так это их проблемы: неча по чужим городам шастать.

- Да, да, я помню насчет экономии.

Происходящее казалось Лашару дурным сном. Ночь, неосвещенный город с десятками, если не сотнями, кривых улочек, переулков, переулочков и тупичков, и среди этого бедлама – он, Маркус Лашар, одинокий, словно обелиск Величия на столичной площади Всего Хорошего. Стеклодуб, мерзавец, знал, куда забраться: искать беглеца в местном лабиринте можно лишь с опытными охотниками, а не бестолковыми пентюхами, разомлевшими от сонной гридийской жизни. Но искать надо, и быстро искать, чтобы не пришлось потом снова прочесывать проклятую Пущу.

- Как вы вообще тут живете? – скривился Лашар.
- Экономно, – немедленно ответил офицер. – Согласно указу лорда Датоса.

Маркус прекрасно понимал, что вшивый гридиец над ним смеется, что лишь прикидывается недалеким деревенским дурачком, но наказать мерзавца не мог – сейчас ему отчаянно требовалась помощь тех, кто досконально знал городишко, который следовало бы назвать помойкой.

- А преступления у вас случаются?
- Не без этого.
- И как вы с ними справляетесь? Экономно?
- Быстро, Лашар, быстро.

В тоне офицера мелькнуло превосходство, заставившее Маркуса недоуменно поинтересоваться:

- Каким же образом?
- С помощью Искательной телеги.
- Ого!

А вот этого Лашар не ожидал. Искательная телега? Здесь?! В этом глухом, как тетерев, городишке?

- У вас есть Искательная телега?

– Вот она, кстати. – Офицер ткнул пальцем в появившийся на улице фургон и с законной гордостью добавил: – На прошлой неделе у Василевса Мельника корова племенная пропала, так мы ее за два часа привели.

- По следам?
- По навозу. Навоз в Искательную телегу загрузили и мигом отыскали.
- Молодцы.

– А лорд Датос других не держит, – с гордостью ответил не уловивший сарказма гридиец. Тем временем два тяжеловоза неспешно подкатили Искательную телегу к собеседникам, задняя дверца фургона распахнулась, и из нее выглянул бородастый стражник, исполняющий роль администратора поиска.

- Приступать можно?

От бородача пахло чесноком и соленым огурцом, которыми он, судя по всему, перебивал сивушный дух.

«Чтоб вас всех Чудь забодала!»

Маркус дернул плечом.

- Давно можно.

Однако проклятый гридиец не обратил на Лашара никакого внимания, он преданно смотрел на офицера.

- Можно?
- Приступайте, – последовал важный ответ.
- Слушаюсь! – рявкнул бородастый.

Затем он исчез в фургоне, не забыв захлопнуть за собой дверь, через пару секунд послышалось гудение машины, и из раскрывшейся крыши медленно выросли указательные лепестки. Установленные на тонкой металлической ножке, они напоминали поникший серый цветок, который через некоторое время оживет, дабы указать охотникам на дичь.

«Ну, хоть что-то, – вздохнул про себя Лашар. – Может, и получится».

Искательные телеги производились исключительно столичными мастерами, стоили дорого, потребляли изрядно прайма, обслуживались только подготовленными людьми, но позволяли находить любого наследившего человека в радиусе пяти километров. В приемную лопатку сложного механизма помещался «след»: кусочек кожи, волосы, кровь, слюна, экскременты, в общем, любая частица искомого человека, тщательно там изучался – здесь-то и расходовался драгоценный прайм, – после чего указательные лепестки поднимались в нужном

направлении. Времени исследование требовало мало, минут пять, не больше, а потому, когда дело затянулось, Маркус не выдержал и врезал кулаком по стенке фургона:

– Скоро, что ли? Сколько можно?

– Здравия желаю!

– Что?

И лишь через мгновение Лашар догадался, что поприветствовал вытянувшийся в струнку офицер совсем не его. Обернулся и поморщился: из кабака «Хитрый Каспер» медленно вышел худощавый юноша в дорогом бордовом камзоле. Довольно высокий, стройный, он был обладателем пышной черной шевелюры и коротенькой бородки, над формой которой изрядно потрудились провинциальные цирюльники. Глаза у молодого человека были карими, нос тонкий, прямой, а подбородок слишком узкий, чтобы его можно было назвать волевым. Возможно, бородка и была призвана скрыть этот легкий недостаток. За спиной юноши маячила огненная лиса – высокая рыжая Героиня, исполняющая обязанности телохранителя. Выглядела великолепно сложенная девушка потрясающе, однако на кобрийцев смотрела жестко, если не сказать – враждебно.

«Наследничка принесло, чтоб ему пусто было!»

Маркус не раз и не два общался с нахальными отпрысками провинциальных лордов и прекрасно знал их дурную привычку лезть в любые дела, которые покажутся им интересными. Окажись юноша трезвым, у Лашара был бы шанс уговорить его не мешать, но, судя по блудливой улыбке и не очень уверенным жестам, в кабак щенок сходил не зря. Кроме того, помимо аромата хорошего вина, Маркус уловил запах плохих духов, которыми любили обливать себя идмарские проститутки, и это обстоятельство вызвало у кобрийца очередной приступ брезгливости.

– Что происходит? – Юноша икнул и удивленно воззрился на Искательную телегу. – Что пропало?

«Начинается, чтоб тебя Чудь забодала!»

– Опасного преступника ловим, господин Карлос.

– О котором я рассказывал вашему достопочтимому отцу, – склонился в поклоне Лашар. Его Герои без особой охоты последовали примеру предводителя.

– Ах, это ты... – Молодой лорд бросил на кобрийца мимолетный взгляд и вновь повернулся к офицеру. – Что сделано?

– Подступы к реке перекрыты, господин Карлос. Охрана на стенах усилена. Сейчас определим, в какой части Соколиного Поля скрывается преступник, и начнем прочесывание.

Бодрый доклад вверх гридийского наследника в игривое настроение. Он хихикнул, снова икнул, снова хихикнул, вытер тыльной стороной ладони губы, пнул колесо Телеги и осведомился:

– Как ищите? По навозу?

Надо полагать, история с коровой Мельника наделала в провинциальном Гридвальде много шума.

– По крови, господин Карлос. Нам удалось подранить мерзавца.

Лашар не мог не отметить, что в присутствии наследника офицер разительно изменился: отвечал четко, ясно и только по делу. И говорок его провинциальный куда-то делся.

– А что, преступник действительно опасен?

– Ранил двоих стражников.

Глаза щенка вспыхнули.

– Убийца? Как интересно!

Похоже, мальчишка решил добавить к ночным приключениям поиск опасного преступника. То ли ретивое взыграло, то ли вино покоя не дает. Лашар простонал про себя ругательство и попробовал спасти положение:

– Преступник очень опасен, господин Карлос, – быстро произнес Маркус. – Он жесток и очень хорошо вооружен. Я не думаю, что вы должны подвергать свою жизнь риску.

– Разве я спрашивал, о чем ты там думал? – нагло поинтересовался юноша. – Я вообще не уверен, что ты умеешь это делать.

Офицер хохотнул. Лашар в очередной раз сжал кулаки, а щенок повернулся к спутнице:

– Шахмана, ты не против поохотиться?

Огненная лиса усмехнулась.

– Не откажусь.

Ей тоже не нравились кобрийцы.

– Вот и здорово! – Помощник трактирщика подвел двух жеребцов, и Карлос с неожиданной для Маркуса ловкостью взлетел в седло. Вновь икнул и поинтересовался: – Собачек не вижу. Они где?

– К сожалению, господин Карлос, собак привести не успели, – повинился офицер.

– Ну и ладно, – махнул рукой наследник. – Что показала Телега?

– Беглец скрывается к западу от нас.

– Мы с Шахманой отправимся по прямой, ты со стражниками зайдешь с севера, а ты, Лашар, – с юга.

– Это опасно, господин Карлос...

Маркус в последний раз попытался остановить щенка и в очередной раз не был услышан.

– Исполнять! – Молодой лорд вытащил из седельных ножен длинный кинжал и посмотрел на спутницу: – Повеселимся?

– Разумеется!

Голосов не слышно, топота сапог не слышно и лязга доспехов тоже, но это ничего не значит – стражники вокруг. Просто проснулись офицеры и заставили неумех действовать грамотно. Петля сжимается, никаких сомнений, и каждая секунда, проведенная в темных переулках Гридвальда, приближает его к смерти. Или к кобрийскому плену, что тоже означает смерть, но после долгих пыток, во время которых он выдаст все, что знает. Обязательно выдаст: пытать кобрийцы умеют так же хорошо, как воевать.

«Оставьте меня, гридийцы, это не ваша война. Она еще не стала вашей. И не станет, если вы меня отпустите... Отпустите меня, пожалуйста...»

Ян должен был мыслить холодно, должен был вести себя собранно и предельно осторожно, но... Но он не был воином. Никогда не был. Он держался, сколько мог, однако переживания последних часов все-таки сломили Стеклодува, и теперь, пробираясь к спасительной реке, Ян мог только одно – шептать бессмысленную мольбу:

«Я ведь не враг вам, гридийцы, я обычный человек. Меня назвали преступником, но те, кто это сделал, в тысячу раз хуже меня. Почему вы им верите, гридийцы? Почему не хотите отпустить меня...»

– Стоять!

Они столкнулись на углу. Бесшумно подкрались с разных сторон, выглянули и одновременно увидели друг друга. Плечистый стражник с обнаженным мечом и тщедушный Стеклодув, нервно сжимающий острой. В честном бою у Яна не было бы и шанса, но гридиец ошибся. Стражник привык к послушанию, к тому, что люди выполняют его приказы, а еще – не привык убивать просто так. Стражника учили ловить преступников, вот он и крикнул:

– Стоять!

И ошибся, потому что перепуганный Стеклодув неловко ткнул его острой. И отскочил назад, в ужасе глядя на захрипевшего человека.

Острый клинок вошел стражнику в бок, туда, где находились завязки кирасы, вошел глубоко, а когда вышел – на грязные камни мостовой хлынула горячая кровь.

– Я не хотел!

Хрип. Человек падает на колени, а потом, ничком, на землю. Конец.

– Что я наделал?!

Конец.

И Ян понял, что вот теперь, в эту самую секунду, они с гридийцами стали смертельными врагами. Теперь между ними кровь, и обратной дороги нет. Теперь это их война.

– Я ведь не хотел. . .

Первое в жизни убийство, ужас, сжимающаяся петля, беспощадные гридийцы, Герои. . . Все смешалось в голове Стеклодува, смешалось и разорвалось прайм-бомбой, рассеяв последние остатки самообладания. Он не слышал приближающийся цокот копыт, перестал разбирать дорогу и таиться, он видел лишь безнадежность своего положения.

– Я не хотел! – Размазывая по лицу слезы и чужую кровь, Стеклодув бросился к реке. – Я не хотел!

– Ты слышала?

– Крик!

– Туда!

Карлос дает шпоры, и жеребец послушно несет его к переулку.

– Тело!

– Он мертв! – Шахмана уже на земле и прикасается пальцами к шее стражника. – Меньше минуты!

Шахмана Егоза Героиня опытная во всем, что касается смерти, не ошибается.

– Урод совсем рядом!

– Да!

Карлос нервно озирается, пытаясь отыскать взглядом преступника, и чувствует, как охотничий азарт сменяется злостью.

«Из-за какого-то простолюдина?»

Нет. Потому что простолюдин не «какой-то», а гридиец! Будущий его подданный! Один из тех, за кого он, став лордом, будет нести ответственность.

Злость требует выхода.

– Куда он побежал?

– Не могу разобрать, – бормочет склонившаяся над мостовой Егоза. – Скорее всего. . .

– Свет!

– Есть!

Огненная лиса взмахивает рукой, и метрах в трех над ее головой возникает облачко веселых искр.

– Видишь следы?

– Я. . .

Закончить Шахмана не успевают – грохочет выстрел.

Прайм-выстрел, который ни с чем не спутаешь. Молния чистой энергии вонзается в Егозу, испепеляя ее на месте.

– Нет!

Две потери за пару минут – это слишком. Разъяренный Карлос не думает о том, что у преступника может оказаться еще какое-нибудь прайм-оружие, например бомба. Он забыл предупреждения и даже о себе – забыл. Разъяренный Карлос бросается вперед, всей душой мечтая отомстить за своих.

– Убью!!

Стражник мертв, Шахмана мертва, и кое-кто должен заплатить за это.

– Подонок! – Черную тень беглеца Карлос заметил в момент выстрела и больше не упускает из виду. Пришпоривает жеребца, а когда видит, что преступник сворачивает в узкий переулок, соскакивает на землю, бежит следом и, догнав, делает первый выпад: – Скотина!

– Не надо!

Стеклодуву удается отбить удар. Клинок у остробоя хороший, из отличного сплава, с прекрасной заточкой, рубить и колоть позволяет, но фехтовать – нет. Для фехтования остробой не подходит категорически. И не важно, что сейчас против него всего лишь кинжал. Остробой оружие сложное, только для Героя подходящее, да и то – для особого Героя.

– Мерзавец!

– Нет!

Второй удар, лезвие чиркает по раненой руке Яна, и кровь, едва-едва успокоившаяся, начинает сочиться из-под повязки.

– Грязная тварь!

Отчаяние придает Стеклодуву сил. Он с криком бросается вперед, надеясь нанести рубящий удар. Или ни на что не надеясь. Просто бросается вперед, понимая, что все кончено.

Карлос легко, как на тренировке, уходит от неуклюжего выпада и уверенно колет Яна под вздох.

«Все кончено, все...»

– Умри, подонок. – Молодой человек с омерзением смотрит на замершего Стеклодува. – Будь ты проклят, гад.

«Да, я подонок, я убил человека. Я убил двух человек. Пусть я умру, как подонок, но я должен рассказать...»

– Праймашина... – хрипит Ян, выпуская из рук остробой.

Тяжелое оружие со звоном падает на камни.

– Что? – кривится Карлос.

«Пусть он услышит! Пусть он меня услышит!!»

Ян бормочет из последних сил:

– Тайна... Леди Кобрин строит Праймашину... Она все изменит... Весь мир...

«А ведь я ничего о нем не знаю, – проносится в голове Карлоса. – Я не знаю, что он натворил...»

Злость почему-то улетучивается, и молодой лорд видит перед собой не преступника, а умирающего человека. Тщедушного, жалкого, отчаянно пытающегося сказать...

– Праймашина... – повторяет Ян и падает на землю.

– Молодой господин!

Вокруг становится светло и многолюдно.

Подбегают стражники, десяток, не меньше, и каждый второй держит в руке факел. Появляется Лашар и два его Героя, прыгивают с лошадей, продираются к телу и молча смотрят на мертвого преступника. Даже Искательная телега пригрохотала, хотя ее никто не ждал. В маленьком переулке собираются едва ли не все участники поисков. Кобрийцы напряжены. Гридийцы наперебой превозносят молодого лорда, восхищаются его смелостью, почтительно качают головами. Карлос что-то отвечает, усмехается, вытирает кинжал о поданную тряпку, но в его голове снова и снова звучат последние слова преступника:

«Праймашина... Леди Кобрин строит Праймашину...»

* * *

Просыпался Гридвальд засветло, а все потому, что ложился рано.

Люди в этих краях слыли прижимистыми, собственно, не просто слыли – они такими и были. Копеечку лишнюю предпочитали хранить, а не тратить, баловство разное не одобряли,

вот и получалось, что знаменитая прижимистость делала гридийцев зажиточными. В каждом здешнем доме стоял хотя бы один прайм-светильник, а у хозяев трудолюбивых или купцов удачливых – так и во всех помещениях, – вот только включали их изредка. Гридийцы как рассуждали? Мы ить не столица, чай, чтобы веселиться до упаду, так почто прайм тратить? Поработал – отдохни, пока солнце не село, а после – спать, сил набираться перед новым трудовым днем. Ежели чего поделать охота, по молодости лет, то свет только помеха, а человеку взрослому он и вовсе без надобности, не читать же ему, в самом-то деле? Вот и засыпал Гридвальд сразу после заката, а просыпался, соответственно, еще до первых лучей, когда не все звезды в едва посветлевшем небе растворялись. И ворота городские стражники открывали, когда люди из домов выходили, а потому прохожие не удивлялись, встречая в раннюю пору незнакомцев на улице.

И этому тоже не удивились.

Был путник ростом невелик – большинству гридийцев разве что до груди доставал, тщедушен, и от того казался несерьезным. Платье носил чистое, но простое, дешевое: рубаха с пояском и двумя накладными карманами, льняные штаны да короткие сапоги, потертые и немного грязные. Дополняли картину холщовая сумка через плечо и мятая шапка пильдербанского фасону. С перышком. Единственной примечательной чертой незнакомца было полное отсутствие волос: шишковатая голова его, напоминающая плохо выточенный шар, не знала ни шевелюры, ни бровей, не говоря уж об усах или бороде, а потому гридийцы, к мужской растительности с уважением относящиеся, провожали незнакомца ироничными взглядами.

На которые путник не обращал внимания.

Спокойный и деловитый, четко знающий, куда идти, он через площадь Шестерней дошагал до улицы Стучальщиков, которую облюбовали гридвальдские кузнецы да механики, оглядел открывшиеся лавки и, сняв шапку, подошел к хозяину ближайшей, внешне богатой, на обновленной вывеске которой значилось горделивое: «Ганс Подкова. Починяю все, что починяется».

– Доброго утречка.

Фраза прозвучала вежливо, но без подобострастия, свойственного неуверенным в себе людям. Не проситель, мол, прибыл, а человек деловой, понимающий, однако на богатырского вида Ганса, позевывающего под открытым навесом, тон путника не произвел впечатления.

– Кто таков? – осведомился кузнец, с подозрением разглядывая пыльные сапоги визитера.

– Позвольте представиться. – Путник с достоинством расправил узкие плечи. – Акакий Бенефит, действительный член Дальнесопской академии кузнечно-механических наук, изобретатель первого ранга и ученый. Еще.

– Мошенник, значит, – безразлично определил Подкова.

– Не мошенник, а странствующий инженер, – поправил кузнеца незнакомец. – Подвижник распространения ученых знаний...

– Бродяга?

– Квалифицированный праймолог третьего уровня с наградами. – Путник сделал вид, что обиделся. – Имею поощрительные дипломы шести имперских университетов четырех провинций, два из которых – с отличием.

– Путное чего принес? – Подкове надоела пустая болтовня, и он взял быка за рога. – Что продаешь?

– Знания.

– Гы! – Кузнец добродушно рассмеялся. – Этого добра у меня и без тебя хватает. Как что делать, разбираюсь лучше многих.

– Не сомневаюсь.

– Тогда проваливай.

Но предложение Бенефита не смутило.

– Едва оказавшись в вашем славном городе, – вкрадчиво произнес Акакий, не дожидаясь, пока его пошлют повторно, – увидел я, что механики и кузнецы с большим трудом производят отверстия нужного диаметра. А ведь о пользе правильно расположенных дырок и дырочек написан целый ряд высоконаучных трактатов, которые я, будучи прилежным студентом...

– Короче!

– Могу предложить вашему вниманию ценнейшую и весьма важную, никому в Гридии не известную информацию о знаменитом дыркователе Шпристера, – провозгласил Бенефит.

– О чем?

Поскольку в голосе кузнеца не появилось враждебности, Акакий понял, что рыба заинтересовалась наживкой, и молниеносно перешел в наступление: сделал шаг вперед, приковав к себе взгляд Ганса, и слегка ускорил речь. Но именно слегка, не настолько, чтобы она стала невнятной:

– Дыркователь Шпристера – новейший, самый знаменитый в империи механизм для производства дырок и необходимых отверстий где угодно и когда угодно. Дырки можно производить без усилий и в любых количествах, при минимальном расходе прайма. Полученные отверстия оказываются идеально круглыми, а еще, обратите внимание – я не шучу! – их можно проделывать под углом!

– Да ну?

– Клянусь поощрительными грамотами.

– И в металле?

– И в дереве, и в металле, до пяти сантиметров толщиной.

– Любые отверстия?

– Гарантия Шпристера.

– А кто он?

– В столице слава Рудика Шпристера давно превзошла славу самого Сотрапезника.

Об этом ученом гридиец, судя по всему, слышал. Он почесал бороду, пожевал губами, с сомнением изучая лысую голову «подвижника знаний», после чего осведомился:

– Не врешь?

– Вам нужно делать дырки или нет?

– Э-э... – Кузнец задумался.

Дырки-то делать нужно, какое же хозяйство без дырок? Но бродячие ученые «за спасибо» не работают.

– Сколько?

– Всего лишь три десятка серебром.

– Даже не думай! – возмутился Ганс. – Один!

– За десять серебряных я могу поделиться неисключительными знаниями о замечательном дыркователе, – с прежней вкрадчивостью продолжил Акакий, – а за тридцать – эксклюзивными знаниями.

– Чем?

Пришлось разъяснять.

– Я дам слово, что не расскажу об изобретении магистра Шпристера вашим уважаемым конкурентам.

– Да какие они мне конкуренты? – хохотнул Подкова. – Ты вывеску видел? Я починаю все, что починается, понял? Я – лучший.

Но по глазам было видно, что кузнец уже подсчитывает прибыли от монопольного владения удивительным механизмом.

– Помимо подробных чертежей дыркователя, которые я выполню собственноручно, в комплект поставки входит создание опытного образца, – усилил предложение Акакий.

– В твоём присутствии?

– Мною лично.

Это решило дело:

– Двадцать серебряных.

На большее естество прижимистого гридийца не соглашалось.

– И обед.

– Согласен.

Кузнец оглядел улицу – потенциальных клиентов не наблюдалось, и жестом пригласил шустрого гостя в «тонкую» кузню – примыкающий к лавке сарай, в котором станки и верстаки соседствовали со всевозможными запчастями для разнообразных механизмов.

– Сразу говорю, праймолог, свободного железа у меня немного, и прайма чуть. Так что если дыркователь слишком сложен...

– Дыркователь Шпристера строится на базе универсального станка Миллера. – Заключив сделку, Бенефит почувствовал себя гораздо свободнее. Он сбросил с себя маску бродячего торговца, и в его тоне появились покровительственные нотки. – У тебя, братец, есть универсальный станок?

– Разумеется. – Кузнец подвел гостя к нужной машине.

– А сверла?

– И сверла тоже.

– Тогда... – Акакий внимательно оглядел висящие на стенах шестерни, заглянул в шкаф, порылся в ящиках, подбирая нужные детали, после чего распорядился: – Снимай кожух!

– Э-э... – Подкова помялся. – А станок не ломаем?

– Дыркователь Шпристера представляет собой сложное, но съемное устройство, которое ты сможешь насаживать... – Бенефит лихо собрал зубчатую передачу, после чего вернулся к теме: – Насаживать, когда захочешь. В общем, все, как в жизни. Дай-ка мне, братец, ключ на четырнадцать. И... – Он оглядел сарай. – И вон ту станину дай, к ней будем цепляться.

– Ловко работаешь, – с уважением произнес кузнец, протягивая Бенефиту инструмент. – Наши, гридийские, значит, ученые больше в теории сильны, вроде, как сделать, знают, а как по-настоящему сделать надо, так их нету. Руки не к тому месту привинчены.

– Значит, ученые ваши в другом сильны, – пробормотал Акакий, ловко разбирая станок Миллера на составляющие. – Выдумывать горазды, или еще чего.

– Болтать они горазды, – махнул рукой Подкова. – Я, признаться, поначалу тебя тоже за такого принял, за теоретика, значит. Ну и за прохиндея, само собой. У нас прохиндеи часто шлындают, городить большой, самый в Пуще знатный... А ты ничего, работать умеешь.

– Учили хорошо, – процедил Акакий, аккуратно присоединяя к передаче прайм-воротилку.

– Чего тогда к лорду какому не прибился? Сидел бы в теплом замке, жалованье получал да умные советы простым работягам раздавал.

– Путешествовать люблю.

– А-а... – Кузнец догадался, что Бенефит не хочет вдаваться в подробности, помолчал и негромко осведомился: – Бьют часто?

– Случается, – равнодушно отозвался ученый.

– И все равно путешествуешь?

– А кто тебе тогда дыркователь Шпристера показал бы, а? Теоретики твои? – Акакий оглядел разобранный механизм, вытер ветошью руки и предложил: – Перекурим?

– Давай.

– Табаком угостишь?

– Для хорошего человека не жалко.

Вот так и завязываются отношения: покажи, что трудиться любишь, что голову не для шапки носишь, и любой приличный человек сразу назовет тебя хорошим. Потому как болтунов

полно, а людей работающих – поискать. А если человек к работе годен, то плохим он быть не может.

Мужчины вышли из «тонкой» кузни, присели на лавочку и раскурили трубки.

– Ты сам-то откуда, Акакий?

– Из Базитура.

– И как там?

– Не знаю. Пять лет дома не был.

– А идешь откуда?

– Из Виндера. Жил там неделю, пока не надоело.

– У нас задержишься?

– Честно говоря, не собирался, – медленно ответил Бенефит, наблюдая за проезжающим по улице фургоном, на холщовом боку которого красовалась крупная надпись «Прими Прайм!» – свободный вербовщик отправился на дневную охоту. – В столицу хочу податься. Или в Фихтер. Не решил еще.

– Один ходишь?

– Ага.

– Не боязно?

Шалящая на дорогах Чудь даже у самых смелых купцов отбивала охоту путешествовать в одиночку. В столицу тебе надо или в соседний город – не важно, Чудь – не разбойники, с которыми можно справиться, она возвращается снова и снова, потому что все ее желания – кровь, а страха смерти эти создания не ведали. Местные, которые приметы нужные знали да каждое дерево в Пуще, те еще рисковали до хуторов своих самостоятельно добираться, тропками незаметными в обход опасных мест. А вот на дорогах было опасно, несмотря на все усилия Героев.

– Когда компания есть, с ней иду. Купцы давно проходили?

– Дней через пять караван будет, раньше никак.

– Может, подожду... – Акакий пососал трубку. – Хороший у вас город?

– Для хорошего человека любой город хороший, а так... – Кузнец пожал плечами. – Лорд Датос, да продлятся его годы как можно дольше, владелец приличный, просто так не обижает. Строгий, но справедливый. Налоги берет разумные, не душит. Порядок поддерживает, но ведь без порядка никуда.

– Это верно.

И мужчины, не сговариваясь, посмотрели на стены и высокие башни замка, хорошо видные из-за приземистых гридвальдских крыш.

– И сын лорда, Карлос, тоже хороший, – подумав, продолжил Ганс. – Пока, во всяком случае, хороший. Гуляет, конечно, но в вопросы вникает. Академию Лордов окончил в самой столице. И смелый тоже. Ко мне утром стражник знакомый приходил, рассказал, что господин Карлос этой ночью опаснейшего преступника самолично истребил.

– Самолично? – недоверчиво прищурился Акакий. – Ужель стражников у лорда Датоса мало?

– Злодей в городе объявился страшный, – важно ответил кузнец, явно копируя интонации болтливой приятеля. – Людей бил, подлец, стражника одного аж до смерти, а еще двоих поранил. И даже Героиню убил, которая с господином Карлосом на поиски отправилась. Шахману Егозу, ее тут все знают.

– Да ты что?!

– Как есть говорю. А господин Карлос злодея этого в честном бою одолел. Одним кинжалом взял.

– Хороший парень растет, – задумчиво произнес Бенефит. – Герой не справился, а он смог.

– Вот и я говорю: старому лорду опора и поддержка. Ну и нам, простым людям, надеюсь, не в тягость будет.

Подкова выбил трубку и собрался было предложить гостю вернуться к работе, как услышал:

– Я утром Героя видел, только доспех его не понял, – размеренно произнес Акакий, вновь переведя взгляд на замок. – Черный с фиолетовым у него доспех, а у гридийцев, вроде...

– Синий с желтым наш цвет, – гордо ответил кузнец. – А черные эти, с фиолетом которые, они вчерась понаехали. Чуть ли не от моря самого. Кобринцы...

– Кобрийцы.

– Во-во. Слыхал?

– Бывал.

– Там правда море есть?

– Еще какое! – Бенефит догадался, что Подкова не очень хорошо понимает размеры моря, и уточнил: – Оно огромное, будто озеро, только в тысячу раз больше.

– Ого. – Кузнец покачал головой, тщательно переваривая грандиозную информацию, после чего продолжил: – Но мне эти кобринцы не понравились вовсе. Заносчивые они какие-то и злые тоже. Едут по улице, а сами зыркают, словно Чудь какая.

– На то они и Герои.

– Не скажи, – не согласился Подкова. – Герои должны быть с пониманием. Вот наши, к примеру, очень даже нормальные ребята. Ставят из себя, конечно, но злобы в них нет, да. А эти...

– Тут от лорда много зависит. Если лорд человек мудрый, то и Герои его спокойные, без злобы, как ты сказал. А если лорд – зверь какой, то и Герои...

– А что, в Кобрии зверь сидит?

– Люди говорят, – уклончиво ответил Бенефит.

– А ты что скажешь?

– А я с леди Кобрин не общался, рылом не вышел. Но кобрійцев, как и ты, не люблю. Давно они приехали?

– Я ведь говорю: вчера еще. За преступником этим самым гнались.

– Ах, вот в чем дело...

– Ага. Так что ты не беспокойся, Акакий, раз они преступника поймали, то и сами уберутся. И сможешь ты спокойно подождать караван. А пожить и у меня можно, если тебе постоялый двор не по карману.

Кузнецу очень хотелось, чтобы толковый бродяга пробыл у него как можно дольше. Глядишь, еще чего расскажет, или на большую скидку в конце концов согласится, деньги ведь на дороге не валяются.

– Можно подумать, – улынулся Бенефит. Выбил трубку и предложил: – Пойдем, братец, закончим твой дыркователь.

* * *

«Я что, забыл выключить свет? – Датос, лорд Грид, остановился в дверях, озадаченно осмотрел ярко освещенную комнату и погладил короткую седую бородку. – А когда я здесь был в последний раз? Пять дней назад? Нет, неделю».

Точно – неделю. Ровно семь дней назад воевода Генрих настолько неудачно повстречал в Дохлом овраге трехглавого змея, что его пришлось воскрешать. Воеводу, разумеется, не трехглавого. За подлой Чудью потом еще охотились, пока не убили, а тогда, семь дней назад...

«Спасибо, старый друг».

«О чем ты, Генрих? Я рад тебя видеть».

Потом они обнялись, как это всегда бывало после воскрешения, и отправились в каминный зал, осушить по кубку терпкого вина.

«И я забыл выключить свет. Старею, Чудь меня разбери, старею...»

Лорд Грид грустно улыбнулся. Подозрения, охватившие его при виде освещенной комнаты, рассеялись. Да и с чего они взялись, эти самые подозрения? Прайм-индуктор находится в самом глубоком подвале замка, в который ведет одна-единственная лестница. Два стражника у верхней двери, два стражника у средней, нижняя, ведущая непосредственно в комнату, не охраняется, но сделана из прочнейшего сплава, а замок на нее ставил наилучший столичный мастер – Изотерм Любой-Ключ. Два замка, если быть точным, да еще с тремя секретами: захо-чешь – не откроешь. Кто в такую нору проберется? Сюда даже крысам вход заказан, потому как не абы что хранится глубоко под землей, а наиценнейшая для любого лорда вещь – прайм-индуктор. Так что бессмысленны подозрения, бессмысленны по определению. Другое дело – старость... Старость, собака, подкралась.

Датос понимал, что осталось ему немного. Лет пять, может, семь, а потом он превратится в развалину, если чем и крепким, то умом. Если повезет, конечно, сохранить разум в ясности. Но дряхлый лорд не может править, и во главе Гридии встанет Карлос, единственный сын и единственная надежда.

«Пора за парня всерьез браться. А то мало ли что...»

Пора-то пора, да где время взять? Гридия, даром что маленькая, проблем ежедневных столько, что еле успеваешь управиться. Опять же – для себя пожить охота, пока силы есть, вот и получается, что сын до сих пор «на подхвате». Там поможет, тут подсобит, а системы никакой нет. Образование Карлос получил, но вот реального опыта маловато, а без опыта будет сложно.

«Пора, – пообещал себе Датос. – Сегодня же начну».

Он тщательно закрыл за собой дверь, поставил на небольшой столик принесенную с собой металлическую шкатулку, раскрыл ее, надавив на секретную кнопку, выдуманную тем же мастером, что замки делал, и внимательно оглядел лежащие на черном бархате каталисты.

Золотой нагрудный знак в виде двух мечей, скрещенных на фоне солнца, принадлежал Генриху Урагану, воеводе и старому другу. Знак этот император Ферраут вручил всем выжившим в страшной сече у Квадратной горы, не поспешил на золото, потому что выживших осталось всего три десятка, среди которых были и Датос, и еще не ставший Героем Генрих.

«Я все помню, – улыбнулся лорд, прикасаясь пальцами к знаку. – Я стар, но все помню».

Как зашли в тыл адорнийцы, как свистели стрелы, били наотмашь мечи и как лилась на камни кровь, предвосхищавшая их гибель. И как с Генрихом, который не был тогда ни воеводой, ни Ураганом, они повели остатки рыцарей в последнюю атаку. В пешую, потому что лошадей не осталось. С мечами, потому что копья давно поломались. В безнадежную...

«Мы тогда победили, Генрих, мы с тобой всегда побеждаем».

Следующий каталист принадлежал Арчибальду Ржавому Усу, молчаливому по жизни и страшному в сече. Как ни странно, это была детская свистулька, коряво слепленная из рыжей глины. Датос вспомнил, как тогда удивился, увидев ее в руках бессмертного, и как порозовел Арчибальд, видя изумление лорда.

«Надеюсь, вы никому не расскажете?»

«Это наша тайна, Ржавый Ус, так что будь спокоен».

Детская свистулька... Датос покачал головой и перевел взгляд на игральную карту, пикового туза, что был каталистом Джейкоба Самострела. Не очень оригинально, зато полностью отражает удалой характер дуэлянта. Держать Самострела в узде было особенно трудно, но дело того стоило – этот Герой заводил команду не хуже воеводы.

– Балабол ты, – пробормотал Датос, обращаясь к Джейкобу, и вытащил из шкатулки четвертый, последний каталист – простенькую заколку для волос, украшенную ненастоящим бриллиантом.

– Ну что же, девочка, давай тебя разбудим.

И повернулся к стоящему в центре комнаты прайм-индуктору.

И вздохнул, как это всегда бывало перед запуском странного и удивительного механизма.

Самое значимое для лордов устройство, машина, позволяющая воскрешать павших в бою Героев, напоминала верхнюю часть огромного круглого шлема, растущего из могучего каменного основания. Датос прекрасно знал, что прямо под «шлемом» прячутся сложные механизмы, обеспечивающие выполнение необычайно сложной и тонкой работы, но все равно не мог отделаться от мысли, что прайм-индуктор – пустая оболочка, предназначенная лишь для сокрытия чудодейственного акта воскрешения. Сходство со шлемом еще больше усиливалось, когда медленно откидывалось назад «забрало» – в эти мгновения лорду казалось, что он вот-вот увидит огромные глаза и верхнюю часть лица Героя-гиганта, и Датос вздрагивал. Всегда вздрагивал, несмотря на то что работал с прайм-индуктором уже много лет.

Вздрыгнул и сейчас, после чего принялся за дело.

Первый шаг Оживления Героя – работа с катализом. Датос поместил заколку в Расчетный Ящик и принялся медленно подкручивать верньеры, поочередно подавая в плотно закрытый металлический куб разные смеси прайма. Через пятнадцать секунд внутреннее пространство, видимое через стеклянную крышку, окрасилось красным, восемь секунд понадобилось зеленому, чтобы его сменить, двадцать три секунды боролся за право стать главным насыщенным синим, и, наконец – черным, через одиннадцать секунд. Датос тщательно записал цифры, выключил Ящик и перешел к кафедре, на которой лежала раскрытая книга «Наиполнейшие подробности обращения с прайм-индуктором». Объемистый и совершенно секретный труд Ученого Совета, предназначенный исключительно для лордов, содержал детальные правила работы с прайм-индуктором, но прежде, чем вплотную заняться машиной, предстояло сделать много тонкой работы.

Обращаться с прайм-индуктором мог один человек, на первый взгляд все операции казались необычайно простыми, однако учиться этой «простоте» Датосу пришлось несколько долгих лет.

Снятые с Ящика показания легли в основу расчетов по сложным формулам, результаты которых позволяли оптимальным образом настроить машину. Датосу предстояло вычислить интенсивность и длительность подачи разных смесей прайма и ни в коем случае не ошибиться – в противном случае из сложного устройства, в десятки раз ускоряющего естественный процесс воскрешения, могла явиться не красавица Героиня, а горбатый уродец с тремя руками и лишним носом – только Индуктор гарантировал, что процесс воскрешения пройдет так, как надо. Дважды лорд путался, шептал: «Проклятая старость...», комкал листы, начинал заново, и лишь на третий раз все прошло как по маслу.

Покончив с расчетами, Датос переложил катализатор Егозы в центр машины и подошел к панели управления.

– Начнем.

Первый рычаг, за который потянул Датос, запустил саму машину – активизировал скрытый в ее чреве кристалл концентрированного прайма. Послышалось басовитое гудение, воздух в комнате задрожал, закрепленные на стенах фонари панически заморгали, а сквозь щели стал пробиваться яркий свет. Процесс начался.

Несколько лет назад, впервые возвращая к жизни Героя, Датос испытывал благоговейный страх. Ему казалось, что он управляет актом создания, что он достиг величия древних богов и стал равен им. Ведь он не излечивал Героя, а воссоздавал его! Из праха и тлена с помощью всемогущего прайма. Мысль о собственном величии приятно грела душу, пока не притупилась. А потом лорд понял, что собственных его заслуг в воскрешении Героев нет. Все делал прайм, Индуктор лишь помогал ему, а он, Датос, был жалким придатком. Вычеркни из уравнения Индуктор и самого лорда, прайм все равно вернет Героя. Пусть много медленнее, но вернет.

Вот и получалось, что прайм, эта странная, появившаяся после Катаклизма субстанция, был во главе всего, а не он, не лорд.

– Но ты все равно воскрешаешь только Героев, – пробормотал Датос, продолжая свой старый, бессмысленный, но важный для него спор с могущественным источником необыкновенного. – Вернуть простого человека ты не в силах.

И вновь – в который уже раз – поймал себя на мысли, что это единственное, чего прайм не может.

Шаг следующий – подача смеси. Позади Индуктора были установлены четыре бака, наполненные различными составами прайма. Особо точные краны с тремя рукоятями каждый – основная, для «широкой» и «тонкой» подачи – позволяли лорду запускать внутрь «цветка» ровно столько прайма, сколько показали расчеты с точностью до грана. Именно в этот момент начинался собственно процесс оживления, строительство нового человека по старым чертежам, воскрешение убитого Героя.

– Ты меня еще не слышишь, Егоза, но все равно: добро пожаловать, – негромко произнес лорд и повернул главный вентиль красного бака.

Гудение усилилось, а вырывающееся из щелей сияние быстро приобрело алый цвет. Согласно расчетам первая фаза – красная – должна продлиться пять с половиной минут...

Марево. Или туман? Или разноцветные облака мелькают перед глазами с калейдоскопической скоростью?

Что я вижу?

Облака?

Почему облака? Разве я умею летать?

Нет, я не умею летать. Не научилась. И потому мне недоступно небо, недоступна высота птичьего полета, а облака не спускаются к земле и не могут мелькать передо мной с калейдоскопической скоростью.

Облака – дети неба, а значит, я вижу марево. Или туман, в невесомых капельках которого прячется невиданная сила.

Что есть сила?

Сила – это я? Или туман дает мне силу? Что за туман? Он чужой или он – это я? Я – туман? Зачем я вообще об этом думаю? Что заставляет меня думать о том, откуда взялся туман? Или марево? Ведь их не было. Они появились только что, когда я открыла глаза, которых у меня еще нет.

Я – есть туман, а туман есть прайм.

Прайм.

Слово пришло ниоткуда. Оно просто возникло, во всей своей полноте и объяснило все на свете. Туман есть прайм, марево есть прайм, разноцветные облака есть прайм, и я есть прайм. А что есть сила?

Прайм есть сила?

В чем она?

В том, что прайм – есть прайм?

Я не знаю, в чем заключается правда: сила в тумане или в прайме? Или во мне? Или сила и есть я? И прайм.

Что есть я?

А следующая мысль обожгла: я умерла!

Это случилось совсем недавно. Или сто лет назад. Я не знаю, когда умерла и сколько времени прошло до возвращения. Даже здесь, в тумане, который есть марево и разноцветные облака, нет времени, а уж там, откуда я сюда попала, и подавно. Я была мертва, а потом пришел прайм и сделал так, что я возвращаюсь. Потому что так хочет мой лорд. И я.

Да!

Я хочу жить, я слишком мало пожила. Я хочу вернуться. Но... кто хочет больше? Я или лорд? Или прайм, который дает мне силу вернуться? Почему он дает мне силу? Он подчиняется лорду? Может ли прайм подчиняться лорду? Кто именно хочет, чтобы я вернулась? Прайм или лорд?

Хочу ли я вернуться?

Через туман, марево и разноцветные облака. Постепенно ощущая, как тяжелеют появляющиеся руки, как наливаются силой появляющиеся мышцы, как тело делает первый вздох, а мысли становятся все более и более четкими.

Я просыпаюсь.

Я воскресаю.

Я возвращаюсь в мир, потому что так хочет мой лорд, потому что так хочу я, и прайм поднимает меня. Прайм в основе всего.

Хочет ли прайм моего возвращения?

Когда Индуктор открылся, Датос остался у панели управления, лишь бросил через плечо: «С возвращением!», но не повернулся. Герои возвращались в мир обнаженными, и Егоза специально просила лорда не наблюдать за ее приходом. Не потому, что стеснялась, нет... Огненные лисы не появлялись на людях без костюмов с рыжими ушками и роскошными хвостами, никто не знал, камуфляж ли это, появляющийся вскоре после воскрешения, или тела Героинь действительно изменились под воздействием прайма, и тайна сия должна была оставаться тайной. Возможно, некоторые лорды пренебрегали просьбами огненных лис, но Датос данное слово держал, терпеливо дождался, когда Егоза оденется, и лишь после этого вышел из-за машины.

– Доброе утро, Шахмана.

– Служу и повинуюсь, лорд Грид.

– Не надо так официально, Шахмана, мы одни.

«Я есть туман. Я есть прайм... Я никогда не бываю одна – прайм всегда со мной».

– Как прикажете. – Егоза склонила голову. – Что с молодым господином?

– Все в порядке.

– Я не углядела за ним.

– Карлос молод и горяч, он ищет приключений даже там, где их искать не следует.

– Молодой господин жаждет славы.

– Или ему скучно.

– Он будет великим воином.

– Если не погибнет в темном переулке.

«Это намек? Или просто сорвалось с языка? Он злится?»

Героиня склонила голову.

– Лорд Грид, я прошу меня простить.

– Тебе не за что извиняться, Шахмана. Ты приняла на себя выстрел из остробоя, закрыла Карлоса, а потом он сделал все остальное. Он достал преступника.

«Один выстрел из остробоя?!»

Героиня почувствовала себя уязвленной:

– Одним зарядом меня не свалить. Даже из остробоя.

– Очень мощный заряд, – уточнил Датос. – Преступник хорошо подготовился.

– Преступник был Героем? – подняла брови Егоза.

– Нет, обычным человеком.

– В таком случае откуда у него остробой? И столько прайма?

– Мы разбираемся.

– Понимаю... – Егоза хотела продолжить, спросить насчет кобрийцев, но не успела. Пошатнулась и ухватилась за Индуктор. И зашипела: – Проклятье!

Накатила «слабость второго шага»: сначала вернувшийся Герой чувствует себя превосходно, и даже чуть лучше, чем превосходно. Сила бурлит в нем, как в вулкане, каждая клеточка переполнена ею, и хочется немедленного действия. Хоть какого-то действия: секса, боя, бега – лишь бы до изнеможения. Но через несколько минут сила неожиданно пропадает, и подступившая слабость обухом бьет Героя по голове: ты можешь далеко не все!

– Ты как? – участливо поинтересовался Датос.

Егоза тряхнула головой:

– В порядке.

«Я есть прайм...»

– Нужно отдохнуть?

– Я... я готова служить молодому господину.

Слабость не позволила Шахмане скрыть чувства, и лорд уловил в ее голосе нотки обиды.

И понял, чем она вызвана.

– Надеюсь увидеть здесь моего сына?

Огненная лиса замялась, но уже через мгновение гордо вскинула голову:

– Да, лорд Грид, надеюсь.

Карлос должен был прийти хотя бы из чувства благодарности. Или должен был извиниться, ведь, в конце концов, это он приказал осветить переулок. Она превратилась в мишень, и боль... Смерть – всегда боль, даже мгновенная смерть. Шахмана помнила все свои смерти, не обстоятельства, а боль, что приходила вместе с небытием. Без страха помнила, но и без восторга. Молодой господин стал причиной очередного испытания и должен был хотя бы извиниться.

– Я сказал Карлосу, что займусь твоим воскрешением ближе к вечеру, – спокойно ответил Датос. – Я его обманул.

– Почему?

Лорд задумчиво улыбнулся:

– Карлос прекрасно управляется с прайм-индуктором, но он еще не понял суть церемонии, не осознал, насколько важна она для Героев и... для лордов. Карлос видит только то, что вы бессмертны, что вы воскресаете после того, как пали в бою, а потому воспринимает происходящее без должного уважения. Прежде чем встречать возвращающихся, он должен уразуметь, через что вы проходите.

– Каким образом? – не поняла ошарашенная Егоза.

«Карлос должен умереть?»

– Он должен чуточку повзрослеть. – Датос вновь улыбнулся и погладил девушку по щеке. – Он мог тебя обидеть, Шахмана. Не нарочно, разумеется, а потому что еще не готов заниматься столь сложным делом, как встреча воскресших Героев.

«Да, наверное, так оно и есть».

Настоящие лорды чувствуют своих Героев как чувствуют отцы – детей. И детей своих чувствуют, потому что отцы. И следят за тем, чтобы в семье царил мир.

– Вы хороший человек, лорд Грид, – прошептала Егоза.

– Карлос тоже хороший, но он еще молод. И когда я уйду...

– Лорд, прошу вас...

– Не перебивай! – жестко приказал Датос. Помолчал и продолжил: – Так вот, когда я уйду, у Карлоса останетесь только вы.

– И еще ментор.

– Нет, – качнул головой лорд. – Тебе, Самострелу, Ржавому Усу и Урагану я доверяю гораздо больше.

- Потому что у вас наши каталисты?
- Потому что мы накрепко связаны, Шахмана. Потому что мы вместе.

* * *

- Тихо!
- Что-то услышал? – тут же осведомился Безухий.
- Не знаю, – шепотом отозвался Одноглазый.
- Тогда почему тихо?
- Потому что я, возможно, что-то слышал.
- Слышал или нет?
- Не знаю.
- Безухий покачал головой:
- Мама не зря говорила, что ты идиот.
- А о тебе ей и сказать-то было нечего.
- Меня она любила, одноглазая ты скотина.
- Меня больше.
- Меня.
- Меня!
- Меня!!

Ругаться братья могли долго – сорок лет жили они бок о бок и надоели друг другу до смерти, – а потому Безухий подавил гордость и перевел разговор в деловое русло:

- Может, все-таки скажешь, что слышал?
- В том-то и дело, что не знаю, – поморщился Одноглазый. – Шорох – не шорох... Сразу не поймешь.
- Где слышал? Справа или слева?
- Сразу не скажешь.

А вопрос, меж тем, стоял серьезный.

Караван братьев Черепвата – четыре большие кибитки и два десятка всадников, остановился у Бесшабашной Развилки, на знаменитом среди всех контрабандистов перекрестке. Тропа, уходящая налево, вилась через печально известный лес Девяти Дятлов, в который, как шутили бесшабашные остряки, даже Герои заглядывали только в сопровождении телохранителей. А гать, что вела направо, была проложена через болото Мертвых Опарышей, в котором во время Войны за Туманную Рощу сгинул без следа лейб-гвардии полк наилегчайших рыцарей под командованием лорда Вернера. А поскольку и до, и после этого печального события Мертвые Опарыши всосали в себя не одну тысячу несчастных душ, репутация у болота была аховой.

Начинающиеся у Бесшабашной Развилки дороги вели к одному месту – переправе у Камышового Острова, оставалось выбрать, по какой ехать.

- Ты шорох какой слышал: низкий или высокий?
- Не понял, – растерялся Одноглазый.
- Ну-у... басовитый, словно у трехглавой, или высокий, типа, трехглавая на жабу наступила? – как мог, объяснил Безухий.

Одноглазый несколько секунд таращился на брата, после чего сплюнул и еще раз уточнил:

- Я шорох слышал.
- И что?
- А то, чтоб тебя докты усыновили, шорох не может быть басовитым!
- Почему?

Одноглазый наконец-то понял, что над ним потешаются, и угрюмо попросил:

- Кончай придуриваться!

В ответ услышал довольный смешок.

Братья Черепвата – Безухий и Одноглазый, заслуженно считались самыми ловкими по эту сторону Ильвы контрабандистами. Торговать с доктами они начали еще до Войны за Туманную Рошу, и тогда же в первый и последний раз попались адорнийским патрулям, потеряв соответственно ухо и глаз. Но дело прибыльное не бросили, лишь осторожнее стали. И даже после войны, когда большие шишки, скрипя зубами, дозволили купцам наладить официальную торговлю через Фихтер, от криминального бизнеса Черепваты не отказались, продолжили возить через Ильву товар запрещенный, а стало быть – невероятно выгодный. Торговали артефактами, что производили адорнийцы, взамен брали механическое оружие, сделанное талантливыми северными кузнецами, – его охотно изучали военные южан. Прайм возили, и такое случалось, а в последнее время переключились на «скот» – так на своем сленге братья называли невольников. Распутные северные лорды, познавшие во время войны сладость пылких южанок, охотно скупали молоденьких девушек, обученных музыке, танцам, пению и любовным хитростям. На юг же отправлялись ремесленники, умеющие быстро и ловко изготавливать простые, не требующие особой красоты, но незаменимые в хозяйстве вещи: топоры, пилы, кастрюли, сбрую, бочки и прочий хлам. Нынешний бизнес оказался выгодным до неприличия, но и невероятно опасным. Правильные адорнийцы и докты за своих горой стояли, продавать соплеменников в рабство почитали за самое страшное преступление из всех возможных, и попадись братья военным вторым ухом да вторым глазом, не отделались бы – за работоторговлю полагалась петля. А уж за тот груз, что трясся сейчас в четырех кибитках, – и подавно. Тут не только петлей пахнет, но еще и пытками...

Впрочем, забивать неприятными мыслями головы Черепваты не любили: к чему размышлять о грустном? В настоящий момент их гораздо больше волновал прикладной вопрос: по какой дороге ехать?

– На этой неделе патрулями Ахдарчамнава Щуп командует, а он ужас как любит на уток охотиться, – припомнил Одноглазый.

– А в лес заходить боится, – кивнул Безухий. – Что-то у него с Девятью Дятлами не то вышло.

– Не у него, а у евойного папаши.

– Точно тебе говорю – у него. По молодости он в этом лесу половину свиты угробил, на трехглавую наткнувшись.

– Это когда за нами погнался?

– Если бы он знал, за кем гнался, мы бы с тобой сейчас не бизнес обсуждали, а на деревьях покачивались, как маятники какие-нить.

– Не сейчас, а десять лет назад.

– Все равно как маятники.

– Это точно.

Безухий почесал в затылке.

– Ладно, патрули, стало быть, по болоту шастают, а с Чудью что делать будем? Где ее больше?

– Попробуем узнать.

Предсказать перемещения дикой Чуди, что шастала по лесам с самого катаклизма, не могли даже лучшие гадатели на свежывнутых потрохах, но братья свято верили в магические кости, за которые когда-то отвалили бродячему магу небольшое состояние, и прибегали к их помощи во всех затруднительных случаях.

Одноглазый извлек из мешочка два разноцветных кубика и потряс их в кулаке.

– Красный – болото, белый – лес.

– Бросай! – нетерпеливо велел Безухий.

Кости упали на утоптанную землю, и работорговцы наклонились, жадно изучая получившуюся комбинацию.

– Четыре к шести.

– Значит, лес.

Полной гарантии зачарованные кубики не давали, ошибки у них случались, но лучшего советчика у Черепватов не было.

Братья вскочили на лошадей, и Одноглазый махнул рукой дождавшимся приказа спутникам:

– Давай к Девяти Дятлам!

Сны бывают разными. Интересными или не очень, хорошими или страшными, напоминающимися или мимолетными, пустыми или наполненными смыслом. Иногда – очевидным смыслом, иногда – скрытым, который расшифровать можно лишь с помощью опытных толкователей, знающих, почему рождаются во тьме ночной те или иные образы, и способных собрать их в законченные послания.

Сны играют с нами. Бесплотным туманом окутывают нас в часы забвения и часто уносят далеко прочь. Или в другие страны, или в другие миры, или в далекое прошлое, когда все вокруг было наполнено беззаботным весельем. И вот эти, последние, сны, в расшифровке толкователей не нуждались – для этого они были слишком хороши.

Добрые, нежные, очень теплые и очень мягкие, эти сны приходили крайне редко, наверное, как все доброе, нежное, очень теплое и очень мягкое в нашей суровой жизни. Однако приходили и словно говорили: все не так плохо, как порой кажется, в твоей душе есть место хорошему, ты еще человек... И Марида верила. Цеплялась за эти редкие сны и верила в добро.

И сейчас она видела один из таких снов. Прекрасно понимала, что спит, что все вокруг ненастоящее, но она все равно улыбалась. Потому что ей нравилось то, что она видела.

Мариде снилась долина Тысячи Лепестков, в центре которой вырос большой и красивый Диналион – город ее детства. Город, пропитанный неподдельной радостью и наполненный доброжелательными людьми. Город, каждый дом которого был совершенен, а каждый житель – прекрасен. Город магов и поэтов, целителей и создателей, художников и воинов. Мариде снились точеные мосты через шумную Диналию и стоящий на ее берегу великолепный замок лорда Диналерико. Снились площади, которые правильнее было бы назвать полянами, снились улицы, а точнее – аллеи, сады и парки. И еще Мариде снился Релеветар. Молодой и веселый Релеветар, в объятиях которого она сгорала от страсти. Снилась их прогулка, та самая, первая *настоящая* прогулка, когда оба знают, чем закончится встреча, но не говорят об этом. И молчаливое предвкушение неизмеримо возбуждает влюбленных... Они веселятся у фонтана, целуются на мосту, и Релеветар дарит ей восхитительный цветок. Вплетает пышный бутон в ее волосы, потом берет ее за руку и негромко читает изящное стихотворение, в каждой строчке которого – любовь.

А потом они идут на берег небольшого озера, в один из множества укромных уголков, которые молодые адорнийцы приспособили для тайных встреч. Солнце заходит, красные лучи бесшумно скользят по тихой водной глади, но Марида и Релеветара не волнует красота чарующего заката. Они слишком долго ждали этого мгновения и не в силах больше терпеть. Одежда летит на землю, сплетаются руки, сплетаются губы, нежные слова кажутся продолжением прекрасного, посвященного только ей стихотворения, и кружится голова...

Марида счастлива.

Она забывает, что видит сон. Сейчас это не важно. Сейчас все настоящее: Релеветар, его руки и напор, его губы и глаза, его неистовая страсть... Марида счастлива.

Но неожиданно чувствует, что юноша останавливается. Марида открывает глаза, смотрит на Релеветара, и ее взгляд молит об одном:

«Продолжай!»

А в ответ слышит шепот:

«Опасность!»

«Опасность?!»

Нет ничего страшнее, чем встретить в непроходимой чаще проклятую Чудь, появившуюся на земле после давней катастрофы. Землетрясения, ураганы, смерчи, огненные и ядовитые дожди – все напасти, что изводили людей во время Катаклизма, постепенно сошли на нет. Жизнь вновь стала налаживаться, появился благословенный прайм, дающий людям невероятную силу, но... Но добра без платы не бывает, и платой стала Чудь.

Сначала ее было мало, охотники находили в лесах уродливых тварей, отдаленно напоминающих привычных зверей, без труда убивали их и со смехом рассказывали о своих подвигах у вечерних костров. Но время шло, и Чудь набирала силу. И теперь уже не одинокие звери встречали охотников, а целые стаи. И не только в чащобах. Почувывая кровь Чудь нагло вторгалась на территории людей, подстерегала путников на дорогах, разоряла небольшие поселения, а изредка даже нападала на замки. Но хуже всего то, что стала появляться Чудь разумная, понимающая, как надо биться, однако не желающая знать ничего, кроме битв. Точнее, не разумная – смышленная, хитрая, коварная... Как раз таки разумная Чудь в мире обитала давно, с самого Катаклизма – обладающая не только разумом, но и речью, а главное – Геройскими талантами. К такой Чуди уже привыкли – по сути эти Герои ничем, кроме странной внешности, от обычных героев не отличались, и сейчас в отрядах как доктских, так и адорнийских Лордов нет-нет да и встречались наги, маназмеи и прочие Чудь-Герои. А вот то, что дикая Чудь, живущая в лесах да пустошах, научилась соображать, хитрить и даже сбиваться в отряды – явление недавнее: старики шептались, что это к большой войне.

С дикой Чудью, хоть тупой, хоть разумной, нельзя было договориться, ее нельзя было напугать и отогнать подальше, объяснить, что вторжения обязательно заканчиваются смертью – бессмысленная жажда крови гнала Чудь на людей. Солдаты и охотники истребляли тварей десятками, но тем на смену приходили новые полчища, заставляя людей постоянно ожидать нападения.

Именно Чуди были обязаны нехорошей своей славой и лес Девяти Дятлов, и болото Мертвых Опарышей, и именно встречи с Чудью братья Черепваты опасались гораздо больше, чем патрулей: ведь кривые контрабандистские тропки подвергались атакам тварей чаще широких, охраняемых солдатами дорог.

– Ты слышал?

– Вой?

– Хруст, – пугливо заметил возница первой кибитки, хотя его никто не спрашивал. – Как будто кто-то кость грызет. Человечью.

– Тьфу на тебя, дубина.

– Что?

– Заткнись!

– Слушаюсь!

– Не вой, – прошептал Одноглазый. – Дыхание тяжелое... Это леший, брат, другие здесь не водятся.

– Одного лешего мы завалим, – так же тихо ответил Безухий. – Другие есть?

– Хруст это, а не дыхание. Хруст...

– Еще вякнешь – прирежу!

Возница опустил голову.

Как тут не вякать, если тьма кругом кромешная, а посреди этой самой тьмы кто-то невидимый, но наверняка огромный с чавканьем грызет берцовую кость какого-то бедолаги? Возможно, возницы другой кибитки, что шла пару часов назад через Девять Дятлов с запрещенным товаром, да не дошла. И теперь огромный, стало быть, чавкает, а остальные твари слюнки пускают да облизываются, к приближающемуся каравану прислушиваясь.

– К оружию, парни, – громко распорядился Одноглазый. – К оружию, если не хотите, чтобы вас без соли оприходовали!

Отряд у братьев был небольшим, но надежным. Два десятка тертых калачей, что скакали на лошадях вокруг кибиток, истоптали и Девять Дятлов, и Мертвых Опарышей, и даже по Гибельному Днищу ходили, проверяя лживые слухи о спрятанных в нем сокровищах. Чуди бойцы не боялись, точнее, побаивались, конечно же, но от драки не отказывались.

– К оружию!

Копья наперевес, арбалеты взведены, топоры на изготовку. Но караван тем не менее продолжил движение в прежнем, неторопливом темпе, и лишних факелов, кроме тех, что освещали дорогу передовой кибитке, не появилось. Чудь тупа до неприличия, но настораживать ее не надо. Пусть ближе подойдет.

– Если леший, то завалим, – повторил Безухий.

Ответить брату Одноглазый не успел...

...Самые голодные всегда нападают первыми, а меньше всех еды – так уж заведено – достается слабакам. И потому сначала на караван набросились «рогатки», невысокие, нормальному человеку по пояс, убудки, некогда бывшие козлами. Или козлятами. Хилыми рожками «рогатки» не пользовались, предпочитали короткие, но широкие тесаки, которыми любили подрезать лошадям сухожилия, и в этом была их главная опасность.

– Чудь! – заорал Безухий, но вопль запоздал: никто из тертых калачей момент атаки не прозевал.

Сражаться со слабыми, но многочисленными и шустрыми «рогатиками» – только время терять. Остановишься, начнешь сносить одним ударом по две-три твари, но какая-нибудь юркая сволочь обязательно доберется до лошади. А потому, услышав «Чудь!», «тертые» прибавили, намереваясь оторваться от «рогатиков» и прекрасно понимая, что впереди их ожидает кое-кто похуже.

Например – «камнеметы».

Едва караван прибавил, оставляя «рогатиков» далеко позади, как над дорогой засвистели увесистые булжники, сообщая о засевших вокруг «камнеметах» – мелких, но сноровистых убудках, с длинными, до земли, руками. Избежать тяжелого облака не было никакой возможности – только прорваться сквозь, и люди прорывались, ругаясь и жестоко хлеща ржущих лошадей. Не повезло только вознице первой кибитки – ловко пущенный камень угодил ему в висок и сбил на землю. А ждать его не стали.

Не до того.

– Это мелочь! Мелочь! – орал Безухий, нахлестывая лошадь. – Если здесь только она...

И едва не свалился, с трудом удержавшись на вставшей на дыбы кобыле.

И побледнел.

Потому что посреди дороги, издав страшный, известный всем на свете людям: «Ихрюп! Ихрюп!», возник леший.

– Дерьмо!

Лошадь захрипела.

– К бою!

– Ихрюп!

Леший взмахнул дубиной, а в следующий миг в него вонзился десяток арбалетных болтов – «тертые» услышали вожака.

– Ихрюп!

Завалить огромную тварь арбалетами никто не рассчитывал, лешему просто намекнули, что добыча желает драки, и мгновенно развернулись в боевой порядок. Одноглазый с пятью бойцами отправился к последней кибитке – удерживать на расстоянии мелочь. Трое наиболее сведущих в магии наемников отложили оружие, рассчитывая время для ударов, а остальные всадники, ведомые взбешенным Безухим, набросились на лешего.

– Ихрюп!

– Сдохни!

– Ихрюп!!

Здоровенный, в два человеческих роста, леший размахивал сучковатой дубиной с такой скоростью, что любая прайм-мельница удавилась бы от зависти. И медленно, но неотвратимо приближался к первой кибитке. Его волосатое тело прикрывали грубые, вырезанные из толстых досок доспехи, пробить которые копьем или мечом было трудно, а поджечь удавалось с большим трудом.

– Ихрюп!

И дубина припечатала молодого Клинчу к дереву. Вместе с конем. Тут же последовал хлесткий удар по глазам твари – подсуетился один из магов, но леший даже не пошатнулся.

– Ихрюп!

И Безухий едва ушел от выпада, вовремя дав шпоры.

– Ихрюп!!

Леший – не подарок, но это не означало, что у людей не было шансов. «Тертые» прекрасно знали, как нужно управляться с большой Чудью, и действовали очень умело. Четверо метались вокруг, отвлекая на себя внимание лешего, маги поливали монстра дальними атаками, а остальные, опустив копья, выжидали подходящего для удара момента.

– Ихрюп!

И леший промахнулся. Не в первый раз, конечно, но сейчас он потерял равновесие, не смог вовремя вернуться в удобную для обороны стойку, и опытный Ампиचाва, сообразивший, что есть возможность ударить, вонзил копьё в волосатый бок твари. Ампиचाва успел разогнать коня, и копьё вошло в плоть почти на четверть.

– Ихрюп!!! – взвыла гадина, но было поздно.

– Бей!

Безухий пришпорил кобылу и всадил свое копьё в приоткрывшийся живот лешего. Хитрый Унгилон, воспользовавшись тем, что тварь перестала двигаться с прежней прытью, метнул топор, который вонзился в левый глаз лохматой Чуди, а трое магов, словно сговорившись, врезали огнем, подпалив мощный деревянный доспех.

– Ихрюп!

Раненый, обожженный, окутанный дымом леший выпустил из лапы дубину и шагнул к лесу. Из его боков торчали копья, из головы – топор, но он по-прежнему был опасен. Он просто растерялся от боли, потерял ориентацию, но... но скоро это пройдет. Через несколько секунд Чудь взбесится и, забыв обо всем, бросится на врагов, станет по-настоящему страшной.

Однако ждать этого никто не собирался.

– Вперед!!

«Тертые» сделали главное: заставили лешего уйти с дороги, и теперь нахлестывали лошадей, торопясь миновать опасное место. Кибитки, трясаясь и подпрыгивая, помчались прочь, и никто не заметил, как из последней повозки вывалился на дорогу странный, похожий на гроб, ящик. Вывалился, в полете перевернулся на бок, шмякнулся о камень и раскрылся.

И остался лежать, распространяя легкий аромат прайма...

* * *

Примерно год назад знаменитый мастер тончайших механических дел Аргарбардор Маятник ввел в столице моду на удивительное изобретение – автоматический будитель. Заурядные часы больших, башенных размеров механики научились делать давно и украсили ими все подходящие здания всех городов империи. Часы поменьше, настольные и каминные, появились позже, но и они перестали вызывать интерес у публики, вот Аргарбардор, владевший крупнейшей мастерской по их изготовлению, и придумал уникальную систему, благодаря которой спрятанные внутри механизма колокольцы начинали играть точно в указанное время. Да не просто придумал, а сумел преподнести новинку самому императору, получил от высочайшего благожелательный отзыв, растрезвонил о нем по всем землям и тем создал ажиотаж. Все столичные хлыщи немедленно обзавелись новомодными устройствами, соревнуясь меж собой в степени их отделки драгоценными камнями и тонкой резьбой. Наиболее ревностные почитатели новой техники даже к столу не подходили, пока часы не пробьют положенное время, а смысленные композиторы наперегонки сочиняли оригинальные мелодии к будителям, исходя из вкусов и предпочтений благородных заказчиков. Следом за знатью подтянулись простолюдины, которые вдруг отвыкли просыпаться с петухами, и будители покатались по городам и весям империи неудержимой лавиной. Аргарбардор Маятник купался в деньгах, продавая во все уголки страны лицензии на изобретенные им механизмы, и принял от его величества почетный титул Наиглавнейшего имперского магистра тончайшей механики и всяческих диковин.

Докты с привычным размахом переживали повальное увлечение новой игрушкой.

До провинциального Гридвальда, само собой, мода на будители тоже докатилась, но не прижилась. Простолюдинам изобретение Маятника не понравилось по причине всем известной скупости: чаво на штукенцию энту денежку тратить, ежели она пахать не может или в лавке подсобить? Гридийцы даже часы приобретали изредка, предпочитая сверять жизнь по бесплатному солнцу. Что же касается людей знатных, то им новинка попросту не приглянулась. Не было в ней смысла, по мнению дворян, таких же прижимистых, как все остальные гридийцы, поскольку для своевременного пробуждения нет ничего лучше специально обученного человека. Лучше всего – женщины, которая лежит рядом, внимательно прислушивается к дыханию спящего господина, к его состоянию, и будит не абы как, а в самый благоприятный для того момент. Причем способы выбирает наиболее подходящие, не колокольцами тренькает, а мягко прикасается к волосам, вызывая в памяти материнские ласки, начинает тихо петь или нежно повторять имя господина. Пробуждение – момент важный, оно всему дню начало задает, и глупо доверять его бездушному механизму.

В это утро, к примеру, умелая Нафана принялась будить Карлоса едва ли не в самый последний момент. Молодой лорд уже почти проснулся, заворочался, медленно расставаясь со сном, потянулся и только тогда почувствовал на своих плечах маленькие теплые ладошки.

– Хорошо, – сквозь дрему прошептал Карлос. – Очень хорошо.

Замечательные слова, чтобы начать новый день.

Ладошки погладили шею, затем спустились ниже, к спине, ласково пройдясь вдоль позвоночника, и замерли, ожидая реакции.

– Очень хорошо, – повторил Карлос, медленно поворачиваясь на бок.

Ему не нужно было открывать глаза, чтобы увидеть Нафану. Миниатюрная, хрупкая, с маленькой грудью и узкими бедрами, еще не познавшими радость материнства, она разительно отличалась от склонных к пышным формам гридийских женщин и была похожа на изящную фарфоровую куколку, созданную великим художником. Бархатистая кожа девушки была не очень смуглой, лишь чуть темнее, чем у доктов, мягкие черные волосы вились крупными кудрями, а широкая прядь, которую Нафана покрасила в алый цвет, добавляла прическе привлека-

тельности. Любимая служанка молодого лорда была наполовину адорницей, дочерью войны, так сказать, во время которой солдаты обеих армий вдоволь повеселились на захваченных территориях, и ее экзотическая красота возбуждала Карлоса сильнее любого наркотика.

– Доброе утро, молодой господин.

– Куда уж добрее!

Нежный голос играет на струнках души, словно на лютне. Аромат дорожных духов щекощет ноздри, наполняя душу предвкушением, пальцы Карлоса мягко прикасаются к теплому телу красавицы, и тонкий шелк сорочки исчезает, бесшумно падая на простыни. Нафана прекрасно знала, чего захочется молодому господину после пробуждения, и позаботилась о том, чтобы прозрачное одеяние соскользнуло с ее плеч от легчайшего прикосновения.

– Сколько времени? – поинтересовался Карлос, переворачиваясь на спину.

– Полдень, – прошептала девушка, целуя грудь господина. Черные волосы щекощут кожу, нежные прикосновения ладоней и еще более нежные – губ доводят до исступления.

Хрупкая, почти невесомая Нафана казалась видением, прекрасным воплощением мечты, внезапно появившимся в полумраке спальни. Лорд провел рукой по выпирающим лопаткам девушки, а затем чуть надавил, заставив служанку прижаться к его груди – юноше нравилось чувствовать твердые соски полукровки.

– Ваш отец просил вас явиться сразу, как проснетесь, – прошептала девушка, усаживаясь на живот лорда.

– Наверное, хочет поблагодарить меня за вчерашний успех, – пробормотал Карлос, крепко сжимая худенькие бедра служанки.

– Наверное, – не стала спорить Нафана.

Она почувствовала желание господина, но не спешила, продолжала ласкать Карлоса, уверенно распалая молодого лорда.

– Ночью была отличная драка, – пробормотал юноша, продолжая тискать бедра Нафаны.

– Вы самый смелый рыцарь в мире. И самый сильный... – И вздрогнула, когда нетерпеливый Карлос резко приподнял ее и заставил устроиться сверху. – Зачем спешить, молодой господин? Удовольствие требует времени.

Жаркий шепот красавицы... прерывистое дыхание... проникновение в нее... желание любить... Карлос готов был отдаться страсти, с головой погрузиться в любовный омут, но ощущения неожиданно вызвали воспоминания о прошедшей ночи. Жаркий шепот умирающего преступника... прерывистое дыхание... проникший в него кинжал... желание убить... Грудь преступника, вобравшая в себя сталь... Прелестная девушка, вобравшая в себя его естество... Пережитое смешалось в гремучую смесь, породив нехарактерное желание:

– Сегодня я хочу быть грубым.

Движение – и он оказался сверху, крепко прижал Нафану к постели и надавил так, что девушка вскрикнула. То ли от боли, то ли от наслаждения.

– Сегодня я буду яростным!

– Да!

Резкий толчок заставил девушку снова вскрикнуть и выгнуть спину.

– Я буду зверем!

– Еще! – Ее маленькие ноготки царапали спину Карлоса, а красная прядь казалась кровавой. – Еще!

Глаза закатились, маленький рот перекошен, на лбу выступили капельки пота, и Карлос двигался все быстрее и быстрее, чувствуя себя не столько зверем, сколько убийцей.

– Это завтрак? Ты смеешься? Издеваешься? Ты понимаешь, что я тебя, урода, с пылью смешаю?! Как ты смеешь предлагать мне эту отраву?!

– Прекрасная каша... – пробормотал перепуганный трактирщик.

– Что?! – взревел Лашар.

Пылающий взгляд, подрагивающие от бешенства губы, сжатые на рукояти кинжала пальцы – вид разъяренного кобрийца был столь страшен, что несчастный трактирщик приготовился проститься с жизнью.

«Но что я сделал? За что?»

Он ведь просто принес благородному господину завтрак, самолично принес, оказывая, так сказать, высшую честь дорогому гостю. И вот чем все закончилось...

– У нас в Гриди...

– Я из Кобрии, мерзавец! – взбеленился Маркус. – Запомнил? Из Кобрии! Где мужчины едят на завтрак мужскую еду, а не поганую кашу!

«Что ты понимаешь в правильной еде, трое вилок тебе в задницу! Каша ему не нравится! А что ты у себя жрать привык, варвар? Только мясо? Вот потому и бросаешься на людей, как зверь чудский».

Так думала кухарка, наблюдающая за перепалкой с лестницы, с безопасного расстояния. Кухарке очень хотелось поглазеть на загадочных кобрийцев, вот и прокралась на второй этаж вслед за хозяином. Посмотрела. И много интересного услышала о своей стряпне.

– Это пшено? Я что, петух? Или попугай адорнийский? Для каких цыплят твои куры варят это дерьмо?

«Кого ты цыплятами назвал, недомерок? – мысленно возмутилась кухарка. – На себя сначала посмотри!»

К огромному ее разочарованию, главный кобриец оказался мужчиной не представительным, проигрывал могучим гридийцам по всем параметрам. Хоть и плечистый, но низенький, лицом красив, но бороды не носит, усы только, и плешь приличную заработал, и злой, опять же, а злые в постели плохи, только о себе думают, то ли дело Стефан Лесоруб...

Кухарка вздохнула, отогнала мысли о любовнике, которому почти уже решила изменить с чужаками, и вновь обратила внимание на скандал.

К ее удивлению, хозяин все еще был жив.

– Чего молчишь, тупая скотина?

– Жду распоряжений милостивого господина.

А что он еще мог сказать? Каша уже на животе, медленно сползает на пол, тарелка разбита и растоптана, под глазом наливаются синяк. Впрочем, кинжал кобрийца так и не покинул ножен, а это было единственное, что волновало трактирщика по-настоящему. Все остальные выходки Лашара не выходили за рамки обычных для благородных ублюдков истерик.

– Каких распоряжений ждешь?

– Хочу узнать, что вам будет угодно на завтрак?

– И все?

– Хочу принести глубочайшие извинения.

Трактирщик жил долго и знал, что когда благородные бесятся, нужно немедленно признавать свою вину и каяться. В этом случае чванливые подонки легче берут себя в руки.

– Молодец, – одобрительно кивнул Маркус. – Что есть на завтрак?

Трактирщик и так был готов исполнить любое желание высокого гостя, но выволочка повысила градус его подобострастия до температуры солнца.

– Все, что будет угодно милостивому господину.

– Правильный ответ, – кивнул Лашар. – В этой дыре умеют готовить яичницу с грудинкой?

– Конечно.

– Из четырех яиц, скотина.

Маркус плюнул в трактирщика, не попал, правда, – тупой гридиец сумел увернуться, – выругался и вернулся в комнату, громко хлопнув за собой дверь.

– Еда – дерьмо, вино – дерьмо, женщины... – Местных женщин Лашар не пробовал, но не сомневался, что в лучшем случае их достоинства тянут на единицу с минусом. По десятибалльной шкале. – Большой дыры я в жизни не встречал! Даже ламбандонский Закраинск кажется отсюда столичным пригородом.

Тюфяки набиты сеном, одеяла воняют сапогами, что означает слово «подушка», не понял даже хозяин заведения, а на простынях обнаружили подозрительные пятна, к счастью, не влажные. Датос предлагал кобрийцам поселиться в замке, но Лашар отказался – пребывание в городе давало больше свободы – и теперь жалел о принятом решении. И срывал дурное настроение на всех, кто подворачивался под руку.

Впрочем, главной причиной его неудовольствия была не мерзкая постель, а неудачно закончившаяся охота.

На первый взгляд все прошло, как запланировано: Стеклодув мертв, первая из поставленных леди Кобрин задач выполнена, можно слегка расслабиться. Однако странное поведение беглеца, который на три дня задержался в Гридвальде и тем самым позволил себя догнать, не давало Маркусу покоя. Перед охотой он велел Героям брать Стеклодува живым, хотел обсудить с Яном его странное поведение, но Карлос, проклятый щенок, все испортил, и теперь приходилось искать ответы самостоятельно, опираясь на ум и умение делать правильные выводы.

– Это все вещи Стеклодува?

– Абсолютно, – хмуро ответил воевода Максимилиан Раздаватель, самый сильный из отправленных на поиски беглого Яна Героев, и даже кивнул слегка, добавляя словам весомости. – Все, что было.

– Стражники ничего не прихватили?

– Понятия не имею.

– Что?

– Не прихватили, – опомнился Раздаватель. – Я присмотрел.

И отвернулся.

Маркус Раздавателю не нравился. Не чувствовал могучий Герой в Лашаре должной силы: в седле дольше пяти часов не держится, отдых ему нужен, в бою вообще пустое место – рубака из Маркуса никакой, хуже иного стражника. Одно название – рыцарь, а на деле – ерунда какая-то. Раздаватель умолял владычицу отправить в погоню только Героев, доказывал, что обычный человек будет мешать, задерживать, но леди Кобрин была непреклонна. «Лашар отправится с вами!» И точка, с леди не поспоришь. Да еще и главным Маркуса назначила, строго наказав слушаться Лашара, как ее саму.

Не то чтобы Раздаватель обижался, но чувствовал себя обманутым.

– Где квартировал Стеклодув?

– В трактире «Шесть углов», – доложил Максимилиан. – Прожил три дня, сказался купцом, мол, фургон свой ждет, что должен прийти с караваном. Чем занимался – никто не знает. Мы забрали все вещи, что нашли в комнате.

– Записи? Тетради? Книги? Свитки?

– Нет.

– Тайники?

– Нет.

– А смотрели?

– Да.

– Хорошо смотрели?

– Отлично.

По уму, конечно, Лашару следовало отправиться на постоянный двор самому и лично обыскать комнату Стеклодува. Но в последнее время в команде наметился разлад: из памяти

воеводы Максимилиана постепенно выветривались строгие слова леди Кобрин, и унижительным приказом Маркус решил поставить строптивного Раздавителя на место.

– Прайм-искателем комнату проверяли?

– Да.

– И что?

Максимилиан побагровел:

– Я ведь сказал: все вещи здесь.

– Вот и чудненько, – улыбнулся удовлетворенный Лашар и внимательно оглядел выложенные на стол пожитки. Помолчал немного, мысленно собирая разрозненные предметы в единое целое, после чего задумчиво пробормотал: – Очень странно.

– Что именно?

– Что «что именно»?

– Что именно показалось тебе странным?

Лашар удивленно посмотрел на Раздавителя.

Обычно Герои не засоряли свой разум материями более сложными, чем воинские искусства. То ли не хотели, то ли в воссозданные праймом головы лишние знания не помещались. Исключений не было: даже самые смысленные ребята после перерождения предпочитали жить просто и безыскусно. За все время путешествия спутники Лашара ни разу не поинтересовались, на основании чего он делает свои выводы, а потому вопрос Максимилиана вызвал у Маркуса приступ снисходительности к этому любознательному, но недалекому созданию.

– Большую часть этих вещей, – Лашар обвел рукой стол, – Стеклодуд держал при себе, так?

– У него была сумка, – подтвердил Раздавитель.

– Достаточно тяжелая.

– Для тебя, но не для Героя.

– И не для верблюда.

– Что?

– Ничего, если ты вспомнишь, что Стеклодуд не был Героем.

Максимилиан снял шлем и почесал в затылке:

– Я все равно не понимаю, что странного в его вещах.

– Это все потому, что я еще не объяснил.

На этот раз укол достиг цели: Раздавитель понял, что над ним издеваются, и попробовал перейти в наступление:

– Знаешь, что мне в тебе особенно не нравится?

– Да плевать мне. – Лашар склонился над столом. – Ты хотел услышать ответ, так слушай и не перебивай. Сумка у Стеклодува была весьма тяжелой, не меньше десяти килограммов, но ее содержимое стоит гораздо дороже десяти килограммов чистого серебра, понимаешь?

– Почему?

«А ведь это воевода, – с грустью подумал Маркус. – Я считал их самыми умными из Героев...»

– Вот, к примеру, «Пять колец Накипуки». – Лашар взял в руку четыре тонких металлических браслета, нанизанных на разомкнутый обруч. – Это один из сложнейших адорнийских артефактов, и сделал его могущественный маг. Стоимость работы – пятьсот тысяч серебром, потому что занимает она почти три месяца. Кандабанский сплав и прайм оплачиваются отдельно.

– А для чего эти никуки?

– «Накипуки», – улыбнулся Маркус. – Браслеты надевают на руки и ноги, обруч на голову, и человек становится невидимым.

– Можно попробовать?

– В нем нет прайма. А что это означает?

– Что?

– Артефактом недавно пользовались.

– Или давно.

– Остатки концентрированного прайма. – Маркус сунул под нос Раздавителью один из браслетов. – Что чувствуешь?

– Вчера, – буркнул Максимилиан. – Артефакт был заряжен еще вчера.

Воевода, как и любой другой Герой, обладал особой чувствительностью к прайму.

– Спасибо, что признал мою правоту. – Лашар вернул браслеты на стол.

– Ты не Герой, – заметил Максимилиан. – Как ты догадался, что артефакт использовали недавно?

– Я умею думать... Что у нас дальше? Как красиво: полный комплект «отмычек златолова»!

Маркус побренчал связкой странных ключей, которые Раздавитель едва не оставил в комнате Стеклодува, сочтя никчемным мусором. Да и на ключи, если честно, эти инструменты были мало похожи, скорее уж на заготовки для них. Три десятка отмычек самых разнообразных форм и размеров имели одну общую особенность: на них не было ни бороздок, ни рисунков, ничего, все они были абсолютно гладкими.

– Недоделанные? – предположил Максимилиан.

– Напротив: сделаны великолепно, настоящим мастером. – Лашар уважительно оглядел отмычки. – Каждая из них заряжена праймом. Во время работы вор подбирает отмычку нужного размера, вставляет ее в замок, активизирует, и она сама принимает нужную форму. Кроме того, отмычки вскрывают секреты. Это очень дорогой артефакт, Максимилиан, и очень редкий. До сих пор я только слышал об «отмычках златолова», но никогда не держал их в руках.

Маркус неожиданно замолчал.

Раздавитель помялся, но, увидев, что пауза затягивается, не выдержал:

– Вспомнил о чем-то?

– Подумал, что с «отмычками» обычно ходят на сокровищницы лордов, – медленно ответил Маркус.

– В Гридвальде полно богатых купцов.

– Может быть... – Лашар вернулся к вещам Стеклодува. – Тебе знакомо название «дурмовка»?

– Сонное зелье?

– Дурмящее. – Маркус взял со стола плотно закупоренную склянку, чуть приоткрыл и осторожно понюхал густую синюю жидкость. – Все верно: адорнийская «дурмовка». Отличного, хочу сказать, замеса.

– Она заставляет видеть то, чего нет, – припомнил воевода.

– Или не видеть того, что на самом деле есть. И тем она лучше сонного зелья: стражники продолжают бодрствовать.

– А вор проходит у них под носом.

Лашар кивнул, соглашаясь со словами Раздавителя, после чего негромко поинтересовался:

– Тебя не смущает, что мы называем воров любимого ученика Безвариата Сотрапезника?

– Ну...

– А вот в этом футляре хранились кристаллы концентрированного прайма. Интересно, куда Стеклодув их подевал?

– Растратил постепенно, – пожал плечами воевода. Резкая смена темы сбила его с толку, но он справился и вновь стал поддерживать разговор: – Один кристалл Ян использовал, чтобы убить Героя.

– Возможно, последний.

– Но почему он не зарядил «Пять колец»? Ушел бы от нас невидимым... – Через мгновение Раздаватель хлопнул себя по лбу: – Потому что кристалл уже был заряжен в остробой, а вытащить его нельзя.

– У Стеклодува лучший в мире набор воровских инструментов, и мы на хвосте, – размышляя вслух, произнес Лашар. – У него были деньги – почти пять тысяч серебряных, он должен был попытаться оторваться от нас, но он задержался в Гридвальде на три дня. Зачем?

– Не знаю, – развел руками воевода.

– Нужно поговорить с наследничком, – решительно произнес Маркус. – Стеклодув наверняка хрипел что-нибудь перед смертью, хотя бы проклятия, и я хочу их услышать.

– Зачем?

– Затем, чтобы узнать, что он прохрипел перед смертью. Чтобы представить леди Кобрин полный доклад. Или ты собираешься отделаться фразой: «Мы его убили»? А потом выяснится, что вовсе даже не мы.

– Я не собирался отделяться фразами. Из твоего рассказа я понял, что Стеклодув решил стать вором. Он обчистил мастерскую Безвариата, собрал самые дорогие инструменты и отправился бродить по стране потрошить сокровищницы. Гридвальд торговый город, местный лорд человек не бедный, вот Стеклодув и задержался: решил поковыряться в его подвалах.

– Поковыряться в подвалах... Неплохая мысль. Знаешь, Максимилиан, иногда мне кажется, что от тебя действительно может быть польза.

– Спасибо... Что? – Раздаватель вновь побагровел и злобно уставился на Маркуса. – Что ты сказал?

– Я пошутил, пошутил. Может, и неудачно, но в то же время по-доброму. – Лашар прищурился. Ему явно не давала покоя фраза воеводы: «Поковыряться в подвалах...» – Знаешь, Максимилиан, мне кажется, щенок нам соврал. Он что-то скрывает.

– Что он может скрывать? Ни Стеклодув, ни Безвариат никогда раньше не были в Гридии, ты ведь проверял.

– Я должен быть уверен, что не осталось никаких следов, – твердо произнес Маркус. – Так хочет леди.

А Карлос Грид был последним, кто видел Стеклодува живым. И встреча их прошла без свидетелей. И если Ян успел хоть что-то сказать наследнику, то погоня за Стеклодувом потеряет всякий смысл.

Тайна должна остаться тайной.

– Одно дело убить простолюдина или стражника, и совсем другое – лорда, пусть даже и молодого, – пробурчал Раздаватель. – Я сделаю все, что прикажешь, но леди не любит непродуманных решений.

– Ты сомневаешься в моем хладнокровии?

– Я видел, что Карлос Грид тебе не понравился.

– В первую очередь меня волнует наше дело.

– Надеюсь.

Маркус едва сдержал окрик.

«Надеется! Этому болвану, оказывается, известно это слово. Ха! Три раза «Ха!». У него еще хватает наглости сомневаться в моих решениях!»

Маркус давно привык считать Героев недалекими тупицами, а потому и был столь сильно возмущен нахальными замечаниями воеводы. Но сдержался, прекрасно понимая, что Максимилиан в подробностях доложит леди о каждом его шаге. И от себя еще прибавит, скотина бронированная, напридумывает столько, сколько мозги позволят.

– Карлос мог рассказать обо всем отцу, – спокойно произнес Маркус.

– О чем рассказать? Что мог узнать мальчишка?

– То, что ему сказал Стеклодуб.

– А что он сказал?

– Это нам и предстоит выяснить. И в случае необходимости принять меры.

Воевода знал, что Лашар имел в виду под этими словами – атаковать лорда Грида в его собственном замке, в котором полно стражи и Героев. Затея, что ни говори, смелая. Или безрассудная. Окончательное определение будет подобрано по итогам.

– Нас всего трое, – глухо напомнил Раздаватель.

– Вас целых трое, Максимилиан, – поправил воеводу Лашар. – Трое хорошо обученных Героев, которым доводилось воевать гораздо чаще, чем здешним задохликам. На нашей стороне фактор внезапности.

– Гридийцы настороже.

– Не будут, если мы не дадим повода. Если ты и остальные Герои не станете болтать лишнего. Держитесь естественно, и все будет в порядке. – Маркус так буравил здоровенного Раздавателя взглядом, что тот, против воли, сглотнул, чувствуя себя распоследним новобранцем, неожиданно перешедшим дорогу верховному главнокомандующему. – Леди Кобрин доверила нам сохранить ее тайну. Она рассчитывает на нас, и я не собираюсь подводить повелительницу. – Пауза. – А ты?

– Да... То есть, нет – не собираюсь.

Максимилиан окончательно сбился.

– Мы поговорим с местными лордами, но если мне не понравится их поведение, вы начнете атаку, и Гридвальд лишится пары главных провинциалов. Это ясно?

Маркус говорил голосом леди Кобрин, и у Раздавателя не было иного выхода, кроме как склонить голову:

– Ясно, Лашар.

Завтракать Карлос не стал.

Расставшись с Нафаной – из спальни они переместились в ванну, в которой провели больше часа, – молодой лорд облачился в повседневный, ярко-синий, с желтыми вставками камзол и отправился к отцу. А поскольку Датос ожидал сына в рабочем кабинете, что располагался в противоположном левом крыле, Карлос решил срезать путь и пройти через двор замка.

Пребывая в хорошем, можно даже сказать – отличном, настроении, молодой человек вышел из-под тяжелых каменных сводов на улицу, по-хозяйски огляделся, с наслаждением вздохнул полной грудью и... И был неожиданно атакован лысым, как ошипанный сирином, коротышкой в бедной, но чистой одежде.

– Милостивый лорд! Почтительно припадаю к вашим стопам...

Охрана в замке была надежной, но Датос по непонятным для Карлоса причинам велел стражникам пускать внутрь безобидных бродяг «интересных, развеселить способных, али прожект какой представить во славу Гридии». Старого лорда подобные личности развлекали. Бывало, он проводил с ними по несколько часов, даже на ужин приводил, а вот Карлоса, вынужденного периодически общаться с «весельчаками и прожектерами», они раздражали. Не то чтобы юноша терпеть не мог науки, нет, к учению, еще со времен столичной Академии Лордов, честно пройденной и честно законченной, он относился с традиционным доктским уважением, хоть, возможно, и без особого пыла, – просто большинство «весельчаков и прожектеров» были откровенными мошенниками, мечтающими присосаться к богатой гридийской казне.

– Позвольте отрекомендоваться, Акакий Бенефит.

– Послушай, Мастакий...

– Акакий.

– Непринципиально, – отмахнулся Карлос. – Тебе известно, что в Гридии действует закон о бродяжничестве? Хочешь провести неделю у позорного столба?

Как показывал опыт, эти два вопроса, заданные именно в такой последовательности, помогали избавиться от большинства «прожектеров». Пугливые изобретатели рассыпались в извинениях и бросались прочь, подальше от замка, казны и тюремного подвала. Однако нынешний посетитель оказался не из робкого десятка.

– Я не бродяга, милостивый лорд, а странствующий гений, – с достоинством отозвался коротышка. – Вы ведь знаете значение слова «гений», не так ли? Так вот, я – это он. Позвольте отрекомендоваться полностью, Акакий Бенефит, трижды признавался самым одаренным студентом Запределудольской академии наук, дважды назначался личным советником высокопоставленных особ, имею девятнадцать почетных грамот и официальный хвалебный отзыв кафедры стали и сплавов столичного Университета за доскональную разработку необычайно надежного металла «чудоброневит 16».

– Не слышал.

– Увы, «чудоброневит 16» не получил широкого применения из-за происков завистников, а также ввиду необычайной дороговизны.

– Так я и думал.

– Кроме того, я автор многоэтапного труда «Обдуманное начало первичных и стратегических принципов преобразовательных опытов», а также широко известного учебника «Праймалогия начального уровня в картинках», рекомендованного королевским Ученым Советом для преподавания юным отпрыскам знатных фамилий.

– Я такую книгу не помню.

– Сочувствую.

– Что ты сказал?

– Молчал, как шестеренка в колесе.

Надоедливый коротышка стал действовать Карлосу на нервы, и молодой лорд попробовал перевести разговор в конструктивное русло, то есть для начала оскорбить, а после выгнать.

– В Гридвальде достаточно ученых...

Однако закончить фразу, как предполагалось: «и ты на их фоне – настоящий сморчок», у Карлоса не получилось.

– Но это ничего не означает, милостивый лорд, кроме того, что в столь славном городе есть несколько людей, считающих себя грамотными, и которых я безмерно за это уважаю, – жизнерадостно перебил молодого лорда Акакий и торопливо забежал с другой стороны: – Прошу уделить мне буквально секундочку вашего драгоценного внимания и выслушать соображения, способные принести богатство и процветание благословенной земле Хридии.

– Гридии.

– Прошу простить невежество: география никогда не была моим коньком, поскольку я посвятил себя великой науке – механике. О, это моя подлинная страсть! И природная склонность к изобретательству, помноженная на глубочайшие знания и выдающийся талант, позволили мне взобраться на недостижимую для остальных вершину. Тридцать четыре награды за десять последних лет. Тридцать четыре!

«А не позвать ли мне кого на помощь?»

Пара стражников наверняка успокоят говорливого коротышку, но обращаться к ним Карлос постеснялся. В конце концов, он лорд или нет? Лорд! Будущий, конечно, но все-таки лорд. И должен сам разбираться с подобными «прожектерами».

– Ты...

Но продолжить вновь не удалось.

– Спасибо за проявленный интерес! Огромное спасибо! Как я еще не упоминал, милостивый лорд, ваш недостойный собеседник не только обладает заслуженной научной славой, но и является изобретателем и полноправным владельцем уникальной прайм-лесопилки, на которую имеется соответствующий патент и наилучшие рекомендации мудрецов имперского

Ученого Совета. Сия лесопилка, которую я, с высочайшего дозволения имперских надзорных органов, осмелился назвать «Пилорама Бенефит», произвела настоящий фурор на знаменитой технической ярмарке в Нижнем Верхоправске и была немедленно запрещена к экспорту в южные земли... – Акакий заговорщицки подмигнул Карлосу: – Вы понимаете, на что я намеряю, милостивый лорд? Моя лесопилка настолько хороша, что ее нельзя продавать адорнийцам. Хотя я не понимаю, почему? С помощью моей невиданной «Пилорамы» проклятые адорнийцы могли бы спилить все свои труднопроходимые леса, после чего блестящая имперская армия взяла бы их голыми руками. Не правда ли? Но узок, неимоверно узок кругозор наших славных надзорных органов...

– Ты говоришь изменнические вещи, – пробормотал Карлос. – Подстрекательство и все такое... Знаешь, как умеет пытаться имперский прокурор, Харакий?

– Акакий.

– Специально меня путаешь?

– Ни в коем случае, милостивый лорд!

– Тогда зачем завел разговор об адорнийцах?

– Но ведь вы не адорниец, милостивый лорд, не так ли? И в Идмарской Пуще, как я успел заметить, полным-полно деревьев. А значит, вы можете с полным правом приобрести у меня патент на производство «Пилорамы Бенефит», а также, за небольшие отчисления в мою пользу – лицензию на ее промышленное использование и потрясти соседей невиданной работой – тоспособностью агрегата, что, безусловно, приведет Фридию к немислимому процветанию.

– Гридию.

– По дороге в ваш замечательный город я видел принадлежащие милостивому лорду заповедные леса и с восхищением представил, как столетние деревья превращаются в доски и брусья, столь необходимые для строительства и благоустройства окрестных провинций. Опять же – борьба с Чудью. Стоит лишить проклятую нечисть естественной среды обитания, как ваши блестящие стражники возьмут ее голыми руками.

– Кого?

– Чудь?

– Где возьмут?

– В Пуще. В смысле, когда «Пилорама Бенефит» превратит ее в пустыню.

– А где я буду охотиться? – недоуменно поинтересовался Карлос.

Вопрос едва не поставил Акакия в тупик.

– Вы любите охотиться?

– Обожаю.

– Гм... – Но через мгновение решение было найдено. – А что, если спилить леса соседей? Я уже вижу эту чарующую картину, милостивый лорд: вы берете в аренду их заповедные леса, лет, скажем, на сто, и запускаете в них «Пилораму Бенефит», превращая каждую деревяшку в серебро. Акции вашей лесопромышленной компании растут, как на праймовых дрожжах. Вы не знаете, куда девать деньги, и мостите серебром улицы...

– Оставь свои бредовые рассказы.

Далее должно было последовать сакраментальное: «Пошел вон!», однако Бенефит вновь успел.

– Вижу, что будущее богатого негоцианта вас не привлекает, молодой лорд, – тоном заправской гадалки произнес бродячий гений. – Я давно понял, что ваша стезя – воинская. Вы рождены для великих подвигов, не так ли?

И угодил в самую точку.

– Сегодня ночью я лично поразил опаснейшего преступника, – самодовольно ответил Карлос, – который на моих глазах ухитрился убить Героя.

– Но ведь Героя можно воскресить, – неожиданно грустно произнес Акакий. И слова эти, как показалось Карлосу, вырвались из самой души лысого ученого.

– Что ты сказал?

– У меня есть превосходное решение для вашей армии, милостивый лорд, удивительная полевая кухня, не требующая ни дров, ни угля! – с энтузиазмом провозгласил Бенефит. – Просто забросьте в котел крупу, добавьте воды, немного масла, соли, и через пять минут ваша непобедимая армия получает рассыпчатую кашу! Забудьте о жадных маркитантах и вороватых поварах! Их не будет! Еду обеспечит мой котел.

– Твой?

– Это восхитительное и наиболее полезное изобретение обрело скромное название «Механическая готовка Бенефит» и произвело ошеломляющее впечатление на всех столичных военных вельмож...

– И сколько «Готовок» ты продал имперской армии? – с издевкой поинтересовался Карлос.

Бенефит вновь вздохнул и признался:

– К глубочайшему моему сожалению, завистники успели и тут. Во время главного испытания прототип «Готовки» неожиданно загорелся, опалив роскошный мундир лейб-маршала Смита, и я...

– И тебе пришлось бежать.

– В какой-то степени.

– Стремглав.

– Но если вас не устраивает «Готовка»... – Бенефит собрался продолжить натиск, но на этот раз не успел уже он.

– Ты мне надоел. – В какой-то момент прилипчивый бродяга Карлосу даже понравился. Было в нем нечто заводное, необычное для скучных гридийских будней, оригинальное и чужеземное. Однако неожиданное замечание насчет Героев развеяло появившийся флер в дым. – Послушай, Собакий...

– Акакий.

– Принципиально. Видишь во-он тех людей? – Карлос указал на стоящих у крыльца Академии Героев.

– Вижу, – поникшим голосом ответил ученый. Он уже понял, что услышит дальше.

– Если не оставишь меня в покое, следующую лекцию будешь читать им. И посвящена она будет твоему умению залечивать переломы в походных условиях. Уловил?

– Уловил. Подумайте насчет лесопилки.

– Вон!

Бенефит растворился, а Карлос, поколебавшись, направился к Героям.

Гридия была владением большим, достаточно богатым, но мирным, что было весьма и весьма необычно для нынешнего беспокойного времени. Лорд Датос предпочитал с соседями дружить, а не воевать. Мелкие обиды прощал, крупных не затевал, а потому Гридия, как все, в общем-то, владения Пущи, междоусобиц не знала. Вот и получилось, что Героев в Гридвальде было немного. Всего четверо.

И все они грелись сейчас во дворе замка на теплом утреннем солнышке, лениво поддерживая неспешный разговор.

Самым могучим из гридийских Героев был, безусловно, воевода Генрих Ураган. Старый, покрытый шрамами воин, друживший с лордом Датосом сызмальства и прошедший с ним всю Войну за Туманную Рошу. Ураган с детства знал только бой, тренировался, воевал, убивал, заслужил славу первого рыцаря Пущи и одним из первых в империи почувствовал Зов, принял прайм и превратился в одного из самых могучих Героев, в того, кого почтительно именовали воеводами. В несокрушимого воина, закованного в тяжелые доспехи. Но Генрих был не только

самым сильным – он считался лидером гридийских Героев, командиром их небольшого отряда, и авторитетом уступал лишь старому лорду.

Сейчас Ураган стоял у крыльца Академии Героев и о чем-то беседовал с Джейкобом Самострелом, развеселым дуэлянтом, никогда не расстающимся с элегантным и крайне опасным остробоем – уникальным оружием этих Героев, объединяющим острый тесак и миниатюрную прайм-пушку. Рыжий Герой – его длинные волосы были увязаны в «конский хвост» – доспехов не признавал: носил щегольский камзол гридийских цветов и считался главным сердцеedom Гридвальда. Подружек Джейкоб менял едва ли не каждую неделю, но все они вспоминали о развеселом Герое лишь в самых восторженных тонах. Живость и жизнелюбие Самострела уравнивали его эгоизм, а виртуозное владение остробоем – нелюбовь к дисциплине. Джейкоб с трудом терпел приказы, но Урагана уважал и, пересилив себя, научился действовать в команде.

Третий Герой – бессмертный Арчибальд Ржавый Ус, по привычке молчал, прислонившись спиной к стене. Владелец густой шевелюры, густых бровей и, разумеется, густых усов, он смотрел на мир с исключительной мрачностью и отпускал в два раза меньше слов, чем это требовалось, чтобы не прослыть немым. По-настоящему Ржавый Ус был привязан лишь к своему двуручному мечу, длинному и острому, как бритва, и даже сейчас, пребывая в безопасном дворе замка, не выпускал его из рук.

Последней – в списке, но не по значению – была огненная лиса Шахмана Егоза. Высокая, статная девушка, чей игривый костюм – короткий жакет с капюшоном и еще более короткая юбочка – был украшен лисьими ушками и роскошным рыжим хвостом. Лисы, как следовало из имени, дружили с огнем – некоторые лорды даже считали их записными пироманками – и предпочитали убивать на расстоянии. Их огненные стрелы жалили быстро и без промаха, и именно поэтому лорд Датос поручил присматривать за сыном Егозе, а не другому Герою – в присутствии лисы вероятность ближнего боя существенно снижалась.

При появлении наследника Герои, что вполне естественно, замолчали, устремив на него взоры, и Карлос, без особого восторга чувствуя себя в центре внимания, неспешно приблизился к Егозе.

– Шахмана!

– Рада видеть вас в добром здравии, молодой господин, – склонилась в поклоне девушка.

– Это я рад, что с тобой все в порядке, – улыбнулся юноша.

– Спасибо лорду Датосу.

– Спасибо, что прикрыла меня.

– Это мой долг.

– Первый вопрос, который Шахмана задала после пробуждения, был о вас, молодой господин, – почтительно пробасил воевода Генрих.

– Я довел дело до конца, – сообщил юноша.

– Лорд Грид рассказал мне, – бесстрастно ответила Егоза. – Вы повели себя очень смело.

– Ерунда. – Карлос потер подбородок.

И вдруг понял, что по-настоящему рад видеть Шахману целой и невредимой. Он знал, что Герои воскресают, что их смерть не навсегда, и относился к этому легко, как к само собой разумеющемуся действию, но... Но теперь что-то изменилось. Шахмана умерла на его глазах, умерла, закрывая его, умерла, выполняя идиотский приказ, и первый ее вопрос после воскресения был о нем. О бестолковом хозяине.

Преданность?

Без сомнения. И такое отношение требуется поощрить.

А в следующий момент Карлос неожиданно подумал, что проходить через смерть, даже зная, что тебя вернут, – удовольствие не из приятных. Ты воскреснешь, но в твоей памяти, наверное, навсегда останутся воспоминания о последних секундах, ощущение затухающей

жизни, боль, кровь и, возможно, страх. Хранят ли Герои воспоминания обо всех последних секундах, которые были в их опасной жизни?

«А ведь я никогда не спрашивал их об этом...»

Каково это: жить, помня все свои смерти? Падать в бездну снова и снова? Проходить через невыносимую боль? Не значит ли это, что быть Героем не так уж и весело? Что плата за силу и невиданные возможности необычайно высока? Не эти ли переживания заставляют Героев вести себя как можно проще, не задумываться о сложных вещах, чтобы не сойти с ума?

Пауза неприлично затягивалась, гридийские Герои начали покашливать, по очереди косясь на Урагана, и Карлос, неожиданно для самого себя, произнес:

– Я хочу попросить у тебя прощения, Шахмана. Если бы я не приказал осветить переулок, бандит не сумел бы прицелиться, и ты... И с тобой... – Молодой лорд сбился, но сумел закончить: – Я допустил ошибку. Извини.

Сказать, что Герои были поражены, – не сказать ничего. Ураган крикнул и ухватил себя за седую бороду, у Джейкоба отвисла челюсть, и дуэлянт вытаращился на юношу так, словно у Карлоса неожиданно выросли крылья. Арчибальд едва не выронил меч, и только Егоза отнеслась к словам хозяина спокойно. Как будто услышала должное.

– Вы становитесь настоящим лордом, молодой господин. Отец будет вами гордиться.

«Настоящим?»

Которого Герои слушают не только потому, что в его руках их каталисты? Который понимает, что дети прайма не игрушки? И видит в Героях не только могучих воинов, которых можно, не задумываясь, отправлять на самые опасные задания, но людей?

«Кажется, я услышал очень важный комплимент».

И Карлосу стало неловко.

– Гм... Наверное... – Он дернул плечом и перевел разговор на другую тему: – Почему вы все здесь? Ураган?

Воевода сделал шаг вперед, чуть наклонился – Карлос едва доходил могучему Герою до плеча – и негромко ответил:

– Маркус Лашар, посланник леди Кобрин, испросил у вашего отца аудиенции. С ним путешествуют три Героя, и лорд Грид приказал нам побыть в замке. На всякий случай.

– Очень предусмотрительно.

– Согласен.

Император весьма жестко пресекал междоусобицы, поскольку не хотел, чтобы у кого-то из его вассалов оказалось больше одного источника прайма, однако полностью искоренить это постыдное явление не мог. Самолюбивые лорды не упускали возможности хотя бы чуть-чуть расширить свои владения за счет соседей, и конфликты между ними были делом пусть не повседневным, но, увы, обыденным. Не помогали ни суровые наказания, ни призывы к патриотизму, ни напоминания о враждебной Адорнии, существенно усилившейся после поражения. Лорды догадывались, что еще одной войны с южным соседом не избежать, но пересилить природу не могли и тратили драгоценные ресурсы на драки за лишний лес или заливные луга. Леди Кобрин, которой служил Маркус, славилась агрессивностью, а потому, несмотря на огромное расстояние, что отделяло Кобрию от Гридии, в предосторожности лорда Датоса имелся определенный резон. Ведь лорды не всегда сражались за леса или луга, иногда целью междоусобицы становилась смена власти в той или иной провинции.

– Вы будете здесь, во дворе?

– Зависит от того, где останутся Герои Лашара.

– Хорошо.

Карлос кивнул воинам, направился ко входу в левое крыло, но буквально через два шага около него вновь оказался вездесущий Акакий.

– Вам служат могучие Герои, милостивый лорд, очень смелые и очень сильные.

– Кажется, я выразился на твой счет предельно ясно.

– Увидев огненную лису, я взял на себя смелость вернуться, милостивый лорд, чтобы поведать о замечательном и не очень дорогом патенте на оригинальную прайм-тушительную систему прямого действия. В случае необходимости...

– Повешу, – процедил Карлос, и Акакий вновь испарился.
Молодому лорду хотелось верить, что навсегда.

* * *

– Таким образом, моя леди, если исключить из расчетов расходы на содержание двора, дружины и Героев...

– Авестах, короче, – попросила сидящая в кресле Агата. Монотонный бубнеж докладчика давно наскучил кобрийской владелице, и последние несколько минут она лишь делала вид, что слушает, отчаянно борясь с подступающей дремой. – Давай цифры.

– В этом месяце ваша казна получила на пятьсот тысяч серебром больше, чем в предыдущем. И на миллион – чем в том же месяце прошлого года. – Главный казначей осклабился. – Я считаю это великолепным показателем.

Улыбка у Авестаха всегда получалась некрасивой, ненастоящей, казалось, что казначей вынужден шевелить лицевыми мышцами под страхом пыток, но леди Кобрин знала, что очередное увеличение доходов вызвало у старика искреннюю радость. Деньги давно стали для него смыслом бытия, им он посвятил свою жизнь и каждую приходящую в казну монету почитал за личную победу. К тому же Авестах давно доказал честность и преданность, и в делах финансовых Агата доверяла ему, как себе.

– Ваша идея снизить дорожный сбор и налог на торговлю полностью себя оправдала, моя леди, люди предпочитают ездить через Кобрию, что приносит нам дополнительные деньги. За три последних месяца открылось шесть новых постоянных дворов и семь трактиров, и все они исправно платят налоги. Людям нравится ваше правление.

– Надеюсь.

– Это действительно так, – склонил голову Авестах.

В ответ леди слабо улыбнулась и перевела взгляд на висящую на стене карту. На искусное изображение своего обширного владения. На свою Кобрию. Зеленую, теплую, цветущую и в то же время – суровую. На свою родину.

Кобрия напрочь опровергала устоявшиеся в Доктской империи представления о южных провинциях. Благодатная земля, с которой собирали по два урожая в год, солнце светит триста двадцать дней в году, в лесах полно дичи, а в океане – рыбы, на такой земле должны жить люди расслабленные, склонные к веселью и безделью. Здесь, а не в Азарии должны были придумать сиесту – сладкий послеобеденный сон в прохладной тени, здесь, а не во Флории должны были греметь самые веселые карнавалы, и здесь, в конце концов, должны были жить самые любвеобильные женщины. Здесь, а не в Дорании. Должны были. Но...

Но все получилось так, как получилось.

Кобрия располагалась на юго-востоке империи, полосой протянулась от океана до вольного Фихтера и вплотную прижималась к полноводной Ильве – естественной границе между доктами и адорнийцами. Точнее, ставшей естественной границей после того, как суровые кобрийцы кровью умыли нахальных южан. Давно, еще до Войны за Туманную Рощу, умыли, жестко показав, что землю свою будут защищать до последнего вздоха.

Но сражаться приходилось не только с адорнийцами. Помимо опасных соседей Кобрию донимали пираты, умело скрывающиеся в скалистых бухточках, ползущая из зоны Чудь, выходящие из океана монстры – катаклизм породил настолько мерзких тварей, что даже Герои, случалось, не могли сдержать отвращения, а еще – налетающие с дальних островов крылатые

зви... Сражаться приходилось часто, вот и породила благодатная южная земля не расслабленных весельчаков, а жестких пограничников, прекрасно знающих, что такое смерть.

– ...и наши денежные запасы превосходят сокровища любого лорда империи. А скоро, не сомневаюсь, превзойдут имперскую казну.

Резкий рост доходов настроил Авестаха на оптимистичный лад.

Агата улыбнулась и поинтересовалась:

– Это все?

– Да, моя леди, – подтвердил старик.

– Я очень довольна.

– Благодарю.

Казначей сгреб бумаги в сумку, низко поклонился владельнице и, пяясь, покинул кабинет. Следующим докладчиком должен был стать Малибор Пти, в ведении которого находились все кобрийские шахты, однако из приемной донеслось какое-то подозрительное пыхтение, пара крепких выражений, чей-то недовольный возглас, и перед Агатой предстал не Малибор, а красный, как перегретый чайник, лейтенант Кукузер:

– Срочное донесение от рыцаря Лашара, моя леди! Голубиная почта прибыла пять минут назад.

Молодой офицер приложил немало усилий, прорываясь сквозь толпу оккупировавших приемную администраторов, и такое рвение следовало поощрить.

– Очень хорошо, лейтенант, – с улыбкой кивнула Агата. – Вы поступили абсолютно правильно, немедленно сообщив мне о послании. Благодарю.

Вся Кобрия знала, что жизнь леди подчинялась строжайшему распорядку. Ее дни были расписаны по минутам, запланированные заранее встречи начинались точно в назначенное время и длились ровно столько, сколько было отведено. Агата не терпела нарушений, а потому ее благодарность окрылила юного Кукузера.

– Рад служить, моя леди, – выкрикнул он, протягивая владельнице свернутый в трубочку пергамент.

– Не уходите.

Агата разорвала нить и быстро пробежала взглядом по строчкам, машинально опуская ненужные детали вроде «милостивая владычица», «припадаю к Вашим ногам» и прочее. Так ее учил отец: проверять наличие уважительных форм, но оставлять их за пределами восприятия, не наслаждаться лестью.

«Суди о людях не по тому, что они тебе говорят, а по тому, что они для тебя делают».

Где же главное? Ага, вот:

«...я абсолютно уверен, моя леди, что мы наконец-то напали на след Стеклодува. Из достоверного источника стало известно, что проклятый убийца направляется в Гридвальд, и я немедленно...»

Дата?

Леди Кобрин опустила взгляд ниже: письмо написано неделю назад в Ульмерге. Получается, Лашар уже в Гридвальде.

«Хорошо, что Стеклодуд подался в Гридию. Это позволит Маркусу одним ударом убить двух зайцев».

Леди Кобрин откинулась на спинку кресла и, прищурившись на вытянувшегося в струнку лейтенанта, задумалась.

Она давно планировала подобраться к Идмарской Пуще, к этому зеленому подбрюшью империи, с которого так удобно продвигаться на север – к столице. И если Гридия, которой правит дряхлый лорд Датос, окажется под ее контролем, то через полгода-год большая часть лесовиков войдет в сферу кобрийского влияния. Приплюсуем к этому весь юг, часть западных провинций и получим хор голосов, который заставит императора Пауля прислушаться.

Обязательно заставит!

Агата рассеянно посмотрела на Кукузера:

– Начиная с этого момента, любые сообщения от рыцаря Лашара имеют полный приоритет, я хочу получать их в любое время дня и ночи, независимо от того, чем я занята. Это понятно?

– Так точно, моя леди.

– Вы свободны.

– Слушаюсь!

Лейтенант щелкнул каблуками и развернулся к двери.

– И пригласите следующего докладчика.

– Слушаюсь!

Леди бросила послание в ящик стола и на мгновение прикрыла глаза:

«Ты видишь, отец, у меня все получается!»

Править гордыми и суровыми южанами мог только сильный лорд, и именно такими рождались владетели из рода Кобрин. Высокие, голубоглазые, белокурые, сознательно хранящие чистоту благородной северной крови, они открыто говорили подданным: «Мы – другие!», но давно стали для кобрийцев своими, ибо хватало у них и гордости, и суровости, и харизмы.

Отец Агаты – Фридрих Дилан Энтони, лорд Кобрин, заслуженно считался одним из самых ярких владетелей Кобрии. Времена ему достались непростые: появление Чуди, набеги адорнийцев, Война за Туманную Рошу – однако со всеми проблемами лорд Фридрих справился блестяще. Был почитаем и при жизни, и после смерти.

Он восстановил дороги и мосты, превратил полуразрушенный во время катаклизма Кобург в мощную крепость, организовал надежный отпор Чуди, создал систему пограничных патрулей вдоль Ильвы и так напододал адорнийцам, что те и думать позабыли о набегах. Фридрих стал для покойного ныне императора Ферраута палочкой-выручалочкой, надежно прикрыв юго-восточные границы государства в самые непростые годы. Но при этом лорд не забывал о собственной выгоде, укрепляя свою власть всеми доступными способами.

Во время Войны за Туманную Рошу кобрийцам досталось изрядно. Они приняли на себя первый удар южан, едва отбили, выдержав за высокими стенами Кобурга недельную осаду – правильное было бы сказать – недельный штурм, – но не сдались. И после, когда на помощь подоспели имперские войска, жестоко расплатились с адорнийцами, пройдясь по их землям огненным маршем. Фридрих стал одним из творцов победы в битве за Туманную Рошу – главном сражении большой войны, и его достижения отметил сам Ферраут, пожаловав кобрийскому владетелю меч.

Все ждали, что лорд Кобрин возглавит партию «ястребов», предлагавших императору продолжить войну до полного истребления адорнийцев. Но Фридрих, как ни странно, избрал другой путь: заявил, что передышка необходима, поскольку война изрядно измотала государство, а позже, принимая участие в разработке договора о перемирии, не настаивал на слишком жестких условиях, ограничившись вполне разумной контрибуцией. Более того, именно Фридрих уговорил Ферраута придать стоящему на Ильве Фихтеру статус вольного города, наладив тем самым цивилизованную торговлю с Адорнией, а заодно заполучив в друзья всех купцов империи.

Лорд Кобрин вовремя понял, что насилие необходимо остановить, предпринял необходимые для этого шаги, а потому после войны его влияние только выросло. Но ослепленный победой император этого не увидел.

Освободившись, по крайней мере, на время, от адорнийской угрозы, Фридрих вплотную занялся мирной жизнью, добившись на этом поприще не меньших успехов, чем на полях сражений и в дипломатических схватках. Обширными полями Кобрии стали заниматься лучшие

агрономы империи, что гарантировало стабильно богатые урожаи, благодаря тщательно спланированным сезонам охоты в лесах не переводилась дичь, а разумное управление рыбаками сохраняло большие запасы рыбы в прибрежных водах. Кобрия стремительно богатели, а потому никто не удивился грандиозному строительству, затеянному Фридрихом в Читерских горах, – возведению неприступной цитадели, которую он назвал замком Трех Вершин.

Крытый переход, переброшенный на высоте в шестьдесят метров, привел Агату в Береговую башню – одну из трех, что дали название замку. Она стояла прямо у океана, а самая верхняя комната башни – та, что под крышей, – до сих пор считалась кабинетом Безвариата Сотрапезника.

Погибший ученый, так же, как леди Кобрин, любил высоту.

Из больших окон перехода открывался великолепный вид на океан и находящийся далеко внизу внутренний двор замка, по которому ползали малюсенькие фигурки стражников. Леди Кобрин знала, что многие люди – даже некоторые Герои! – до колик боятся высоты, и искренне не понимала, как такое возможно? Что может быть прекраснее ощущения огромного пространства, лежащего у твоих ног? Что может быть величественнее понимания, что ты стоишь выше всех? Что может быть сладостнее, чем оказаться на вершине?

Агата обожала высоту, а потому ее кабинет и личные покои занимали верхние этажи центральной башни замка, скромно названной Корона. Подняться к ним можно было не только по винтовой лестнице, но и на оригинальном, работающем на прайме подъемнике, разработанном Безвариатом Сотрапезником. И точно такой же подъемник, правда, тайный, предназначенный исключительно для леди и ученого, был установлен в Береговой башне. Но вел он не на первый этаж, и даже не в подвал, а гораздо глубже – через всю скалу вниз, в секретное подземелье, где скрывалась главная тайна Кобрии.

Ведь старый Фридрих не просто так затеял когда-то грандиозное строительство в далеких Читерских горах, и новая цитадель потребовалась ему не на случай еще одной войны с Адорнией, хотя императору лорд Кобрин объяснял свои мотивы именно так. Нет. Замок Три Вершины, в считанные месяцы поднявшийся на скалистом берегу могучего океана, был призван скрыть и защитить невиданное богатство: подземное озеро прайма, случайно обнаруженное рудознатцами во время прокладки очередной шахты. Богатства этого озера не шли ни в какое сравнение с запасами Туманной Роши, однако намного превосходили официальный источник прайма Кобрии. И это обстоятельство придало Фридриху дополнительную уверенность в собственных силах: он понял, что теперь, будучи независимым от принадлежащей императору Компании по добыче прайма, может себе позволить гораздо больше, чем раньше. Гораздо больше. Но в первую очередь следовало позаботиться о безопасности. То есть о более надежной, чем Кобург, крепости.

Если бы правящий ныне император Пауль предпринял, как ему советовали, путешествие в Кобрию, он сразу бы понял, что ни один, даже самый восторженный, рассказ не способен передать величие и мощь Трех Вершин.

Начать с того, что замок действительно был неприступен. Лорд Фридрих отошел от классических канонов принятой в империи архитектуры, не готовил для него специальную площадку, а превратил в основу замка три огромные скалы, каждая из которых стала башней. Между ними выросли высокие стены, обозначив внутренний дворик цитадели, а вокруг были возведены остальные необходимые постройки и внешняя стена, умело проложенная вдоль естественных пропастей. В Три Вершины вела одна-единственная дорога, которая упиралась в подвесной мост, и ни одна армия в мире не смогла бы взять столь хорошо выстроенную крепость.

Во-вторых, и это тоже отмечали все посетители, замок Три Вершины был ослепительно красив. Прочный серый камень, который добывался на местных каменоломнях, повсюду оживлялся вставками черного мрамора, к которому Фридрих питал необъяснимую слабость. Дома

и строения проектировались лучшими архитекторами, многочисленные статуи были созданы искусными скульпторами, стены украшались узорами и барельефами. В замке даже обыкновенные лестницы выглядели как произведения искусства, а уж излюбленные доктами механические устройства, облегчающие и делающие комфортной жизнь, поражали воображение богатейшей отделкой. И глядя на Три Вершины, трудно было поверить, что все это великолепие было построено всего за несколько месяцев. Но так оно и было. И объяснялась невероятная скорость просто – прайм. Лорд Фридрих не только нанимал по всей империи мастеров, но покупал для строительства лучшие механизмы и машины. Огромные «землеройки», тяжелые «скалогрызы», «выжигатели», «толкатели», «подаватели»... Машины поднимали замок, машины и прайм. Фридрих его не жалел, а между тем прайма становилось все меньше и меньше.

И в тайном подземном озере, и в Туманной Роще...

...Оказавшись в Береговой башне – переход выходил в обширный холл, леди Кобрин подошла к находящейся напротив стене, надавила на потайную панель, и высокий, до потолка, барельеф, изображающий охоту на трехглавую Чудь, плавно отъехал в сторону, открыв проход к площадке подъемника.

– Жди здесь.

Сопровождавший владельницу Герой поклонился.

– Да, госпожа.

И не поднимал голову до тех пор, пока стена не вернулась на место, скрыв от его взора и площадку, и женщину.

Которая, в свою очередь, опустила медный рычаг и удовлетворенно усмехнулась, услышав знакомое гудение: питаемый праймом механизм заработал и стал медленно опускать площадку. Путь под замок занимал около четырех минут, вполне достаточно, чтобы собраться, отринуть надоевшие повседневные дела и сосредоточиться на главном. На том, что ожидало внизу.

На том, что должно принести семье Кобрин колоссальное могущество, но пока не давалось в руки.

На том, как много уже сделано и как много еще предстоит.

Но...

Но сосредоточиться не получалось.

Потому что именно здесь, и только здесь, внутри вставшей на дыбы трубы, стоя на неспешно сползающей в подземелье площадке, Агата могла позволить себе проявить истинные чувства. Здесь никто не мог ее услышать, сюда никто не мог войти. Здесь она была совершенно одна и могла, не стесняясь, выплеснуть из себя слабость или обиду.

– Безвариат, Безвариат... – Леди Кобрин хрустнула пальцами. – Зачем ты так поступил? Зачем предал?

Безвариат Сотрапезник.

Со дня его смерти прошло уже несколько недель, но в мыслях своих Агата постоянно возвращалась к ученому. К единственному человеку, которому леди Кобрин всегда говорила правду. К единственному, кого она по-настоящему уважала. Кому верила.

К единственному человеку, который сумел нанести ей столь тяжкий удар.

Потому что она была искренна, уважала и верила. А он все это растоптал.

И на голубых глазах прекрасной женщины выступили горькие слезы.

– Как ты мог, Безвариат? Как ты мог?

Агата и сама не ожидала, что боль будет столь сильной и столь долгой. И боль эта будет вызвана не предательством Сотрапезника, а его смертью. Предательство она пережила на удивление легко, а вот гибель друга рвала душу не хуже пыточных клещей.

– Безвариат...

Горькие мысли, горькие слезы, и лишь четыре минуты, чтобы предаться слабости. Четыре минуты полного одиночества.

А когда подъемник мягко остановился и еще через несколько секунд ушла в сторону стена, стоящий в подземном коридоре мужчина увидел не тоскующую женщину, а гордую, холодную, красивую и неприступную, как замок Три Вершины, леди Кобрин.

– Агата!

– Эларио!

Они были одни, а потому могли не стесняться: высоченный адорниец прижал женщину к груди и впился в ее губы долгим поцелуем.

– Я скучал по тебе.

– Я скучала по тебе.

Император мог простить своенравной кобрийке все: строительство неприступного замка, интриги, захват (на законных, конечно же, основаниях) соседних земель – все. Но если бы он узнал, что леди Агата дружит... и не просто дружит, а ведет тайные дела с адорнийским лордом, это обязательно бы привело к обвинению в государственной измене и плахе. Впрочем, Эларио Хирава, один из выдающихся магов своего народа, рисковал не меньше леди Кобрин. Но он верил. И в свою любимую, и в их общий замысел. А потому плевал на риск.

– Давно ждешь?

– Я прибыл час назад.

Официально Эларио отправился на охоту в дальний заповедник – об этой его страсти знала вся Адорния. Но лишь самым доверенным людям было известно, что в любимых своих угодах Хирава не появлялся уже три года. Егеря загоняли добычу и готовили «трофеи», которые позже представлялись публике. А сам лорд перемещался в Кобрию, используя магический телепорт: в укромном уголке Трех Вершин был разбит малюсенький сад – адорнийские растения на адорнийской же, специально привезенной земле, и именно в это место попадал Хирава из своего замка, затрачивая на путешествие считанные минуты.

– Сколько ты пробудешь со мной?

– Если у нас получится, то целую вечность.

– У нас получится, Эларио, я верю.

– Должно получиться, Агата, должно.

Хирава был типичным адорнийцем: орлиный профиль, смуглая кожа, черные, как смоль, волосы... Когда-то черные, поскольку Эларио, как и все адорнийцы, испытывал непонятную доктам тягу к пестрым краскам и броским одеждам, а потому на длинной его шевелюре черные пряди перемежались желтыми и красными. Зеленый кафтан князя был богато украшен золотой вышивкой, на шее болтался пестрый платок, а пальцы едва виднелись под перстнями с крупными камнями. По адорнийским меркам Хирава выглядел блестяще, однако стильная Агата с большим трудом подавляла желание назвать его ихтирским попугаем.

– Я перепроверил заклинание и убежден, что ошибки нет.

– Ты великий маг, Эларио, но наши последние неудачи связаны не с твоими ошибками, а с тупостью ученых.

– Они не тупые, Агата, просто среди них нет такого же гения, каким был Безвариат.

– Не нужно вспоминать это имя.

– Мы всегда будем его вспоминать.

Они стояли у порога, готовились к последнему эксперименту, в успех которого верили все, но Сотрапезник сломался, бросился на скалы, успев перед смертью что-то изменить в сложнейшем механизме Праймашины. И лишь сейчас кобрийские ученые осторожно заявили, что неисправность, возможно, устранена.

– Я до сих пор не понимаю, что толкнуло Безвариата на предательство, – вздохнула Агата.

– Он перестал верить, – пожал плечами адорниец.

– Он был ученым, он принял идею Праймашины как вызов своему мастерству и должен был довести дело до конца.

– Он перестал верить, – повторил Эларио. – Не в себя, а в наше дело. Когда он понял, что Праймашина изменит мир, то испугался последствий.

– А ты?

– Я – лорд, – с гордостью ответил Хирав. – Я тщательно обдумываю свои решения, а после иду до конца.

– Наверное, поэтому я тебя и люблю.

– У меня много других достоинств, – напомнил адорниец.

– И каждое из них заставляет меня трепетать.

Эларио увидел то, что хотел видеть – искренность, а потому самодовольно улыбнулся и вновь поцеловал Агату.

Сумрачный коридор, стены которого представляли собой грубо отесанную скалу, вывел их в обширный подземный зал, вырубленный рядом с прайм-озером и полностью отданный под уникальный механизм, строительство которого продолжалось три долгих года. Леди Кобрин видела его сотни раз, иногда он ей даже снился, но всякий раз, оказываясь здесь, Агата задерживалась у входа и внимательно, с надеждой и гордостью оглядывала свою Праймашину.

Свое будущее.

И будущее всего мира.

Огромный зал, ярко освещенный многочисленными прайм-светильниками, был полностью уставлен шкафами, внутри которых находились хитроумные устройства, и открытыми механизмами, слишком большими, чтобы спрятать их под кожух. В установленных над мощными нагревателями медных чанах пузырились разноцветные растворы – ученые готовили смесь для эксперимента. Некоторые из чанов оставались открытыми, над ними клубились облака пара, из остальных, закрытых, смесь подавалась в перегонные кубы или осадители, чтобы последовать дальше, вновь смешиваясь и вновь разделяясь. А потому по всему залу были проложены трубы – для чистого прайма, что подавался из озера, и смеси, финальное смешивание которой происходило в шести металлических баках и одной гигантской прозрачной колбе, установленных в центре зала.

Восемь труб сходились в крышке большого стеклянного куба, внутри которого располагалась напоминающая пятиконечную звезду конструкция, к лучам которой был привязан обнаженный мужчина.

Жертва. Главный аккорд придуманного Хиравой и Сотрапезником делания.

Пол у куба отсутствовал, под ногами несчастного уходил вниз раструб толстенной трубы, соединенной с объемистой цистерной.

– У нас все готово, леди Кобрин, можно начинать.

Иероним Вик, руководитель группы ученых, что жили при Праймашине уже три года, изрядно нервничал: то и дело потирал потные ладони и старательно отводил глаза, не рискуя встречаться с Агатой взглядом. До смерти Безвариата Иероним выглядел молодцом: превосходный исполнитель, умело и в точности реализующий замыслы гения. До смерти Безвариата претензий к Иерониму не было, но теперь... Теперь несчастный Вик неожиданно-негаданно превратился в ответственного за конечный результат руководителя, и блеск его изрядно померк.

– Вы уверены? – прохладно поинтересовалась леди Кобрин.

– Насколько мы можем судить...

– Понятно. – Агата резко оборвала Иеронима и посмотрела на адорнища: – Они не уверены.

– Я бы удивился, услышав обратное. – Хирав удостоил ученого высокомерным взглядом. – Безвариат был гением, а они – подмастерья. Случись что со мной, даже лучший ученик не смог бы продолжить дело.

– Все, что от них требовалось, – восстановить машину, которую они сами собрали.

– Под руководством Сотрапезника.

– Но ведь они не слепые!

– Так давай посмотрим, что у них получилось. – Адорниец жестом отправил Иеронима к рабочему месту и улыбнулся Агате: – Приступаем!

– Удачи.

– Спасибо.

Лорд прошел вдоль машины, бросая презрительные взгляды на пыхтящие механизмы – будучи настоящим адорнийцем, Хиравва терпеть не мог технику, – поднялся на металлическую площадку, что была установлена напротив стеклянного куба, вздохнул, сосредоточенно изучая распятого человека, и кивнул. Несчастный Иероним потной рукой потянул за главный рычаг.

Праймашина загудела. В ноздри ударил запах прайма, машинного масла, водяного пара и кучи других испарений, что составляли гремучую смесь Безвариата. Завертели колеса, зашипели насосы, и по трубам побежал раствор.

Агата ухватилась за поручни.

– Началось.

Получится или нет – сейчас не важно. Агату захватил процесс, величественная работа невозможной, нереальной, но существующей машины.

– Началось!

Прайм бежит из озера, но не только к кубу – прайм есть в каждом растворе, в каждой смеси, прайм разбегается по залу, всасывается в огромные емкости, изменяется, вступая в реакцию с веществами Безвариата, меняет цвет и заставляет машину гудеть все более тяжело, надрывисто.

А установленный под потолком хронометр неторопливо отсчитывает секунды и притягивает взоры людей не меньше, чем пыхтящая машина.

– Девять минут!

Критическое, по словам Безвариата, время.

Агата перевела взгляд на стеклянный куб, быстро заполняющийся голубоватым газом. Изначально ярко светящимся газом, но сейчас его блеск угасал на глазах.

«Смесь будет готова и преобразована в пар. Так же, как прайм, который мы достанем из озера. В кубе все растворы смешаются под высоким давлением, станут единым целым, и в этот самый миг...»

Должен прозвучать последний аккорд.

– Контарбардар де холп де риз!

Дождавшийся своего часа Хиравва принялся творить заклинание, и приговоренный мужчина пронзительно закричал. И хотя толстые стены куба не пропускали ни звука, вопли несчастного ударили Агате в самую душу.

– Бадар завей карр! Бадай усид усилла!

Слова не играли главной роли в адорнийской магии, основное действие разворачивалось в душе Эларио, перед его внутренним взором. Хиравва знал, чего хочет добиться, и целенаправленно изменял проникающую в куб смесь. Сосредоточенный, предельно сконцентрированный на работе, он больше не напоминал попугая – он был слишком велик для этого.

– Асбортарг завей хунимр!

Голос мага становился все громче и громче, наполнял зал, перекрывая гудение Праймашины, четко указывал, где именно творится главное действие эксперимента.

– Хадам!

Чтобы убить, Эларио не требовалось быть рядом с жертвой. Его правая рука сделала движение к груди несчастного, и внутри стеклянного куба родилась смерть.

– Давай, – прошептала Агата, сжимая руками поручень. – Давай же... Ну!

«Давай!» – беззвучно попросил Иероним.

«Пожалуйста!» – вторили ему помощники.

«Ну? – угрюмо поинтересовался Хирава. – Ну?»

Останется ли смерть в прайме обычной смертью или породит...

Пять секунд. Десять. Пятнадцать.

Пятнадцать ударов сердца, а заполонивший куб газ продолжал оставаться блеклым.

Провал.

– Проклятье!

Понурые ученые жмутся к стене, подошедший Эларио мрачен, будто проглотил леший плевок, и больше не напоминает великого мага. Скорее – мокрого попугая.

– Извини.

«За что? Ты сделал все, что мог. Ты старался. Ошиблась я. Ошиблась, когда доверилась Безвариату».

– Нам нужны записи Сотрапезника, – холодно чеканит леди Кобрин. – Возможно, они есть у Стеклодува. Или мы не нашли их в фихтерском доме, не добрались до какого-нибудь тайника... – Голос срывается, но лишь на мгновение. – Безвариат не мог не оставить записи.

– Зачем ему писать, каким образом он испортил Праймашину? – недоуменно спрашивает Хирава.

– Я хочу найти все записи о ее строительстве, – жестко продолжает Агата. И поворачивается к ученым: – А вы продолжайте искать поломку. Если через две недели не добьетесь успеха – начнете умирать.

* * *

– Я все равно недоволен!

– Прекрасно вас понимаю, лорд Датос, – склонился в поклоне ментор Ханс. – Но...

– Никаких «но»! – перебил помощника гридийский владетель. – Никаких! Гридвальд бурлит! Идут разговоры, что преступность растет, и скоро добропорядочным людям нельзя будет выйти из дому. У нас большой город, но лиходеи мы всегда держали в узде. Всегда! Все знают, что Гридвальд – оплот спокойствия, и за это купцы нас любят. А что теперь? Стражник погиб. Мой сын рисковал жизнью! Я потерял Героиню!

Гридийский владетель был человеком спокойным до флегматичности, но сейчас, выговаривая ментору, лорд Датос не смог удержаться и дал волю эмоциям – в конце концов, речь шла о его сыне и его столице! А чтобы смысл слов дошел до Ханса как можно лучше, лорд не забывал периодически взмахивать сжатой в кулак рукой.

– Какое отношение имеют к вашему неудовольствию посланцы леди Кобрин?

– Они загнали сюда преступника.

– Лашар и Герои преследовали Стеклодува от самого Кобурга, – дипломатично произнес Ханс. – Если помните, лорд Датос, Лашар не был уверен, что преступник находится в Гридвальде, он просто попросил содействия. Неужели вы думаете, что леди Кобрин не оказала бы помощь вашим посланникам?

– Не знаю, – отрезал гридийский владетель.

– В борьбе с преступниками лорды действуют сообща, ибо так хочет император.

Возникла коротенькая пауза, после которой Датос обронил необходимое добавление:

– Да продлится его правление вечно.

– Да продлится его правление вечно, – поддержал верноподданное замечание ментор.

Датос медленно прошелся по кабинету, обставленному тяжелой мебелью, остановился у стеллажа и вздохнул:

– Да, он так хочет.

– Император Пауль заботится обо всех доктах, и лордах, и Героях, и простолюдинах, – продолжил Ханс. – Только единство гарантирует крепость государства.

– И мы должны служить ему, потому что он такой.

– Во имя империи.

– Во имя империи.

Датос тяжело посмотрел на Ханса, тот ответил открытым взглядом.

Друг?

Да, возможно. Но некоторые вещи для него важнее дружбы.

Институт менторов возник после начала широкого применения прайма, когда император Ферраут понял, какую силу начинают обретать его вассалы, и озаботился созданием дополнительных средств контроля за ними. Следящие за соблюдением законов прокуроры для этих целей не годились – многие из них открыто конфликтовали с лордами, а потому появились менторы: набранные из славных, но безземельных воинов люди, в обязанности которых входил повседневный контроль за деятельностью лордов, обучение отпрысков благородных семей и воспитание их в духе верности короне. Однако только этими задачами менторы не ограничивались. Многие из них прекрасно разбирались и в хозяйстве, и в политике, а потому не только воспитывали наследников, но и подсказывали лордам, как вести дела. Ментор Ханс был именно таким: опытным, умным, рассудительным, он умело управлялся со стражниками, зорко следил за состоянием казны, давал советы по налогам и местным законам и постепенно стал одним из самых доверенных помощников Датоса.

Другом?

Можно сказать и так, если позабыть, что Ханс не был Датосу ровней, а сам лорд ни на мгновение не забывал, кто именно прислал ментора в Гридию.

– Я предложил Лашару поселиться в замке, но он выбрал постоянный двор, – хмуро припомнил Датос, пытаясь отыскать дополнительные примеры дерзкого поведения кобрийцев. – Нет ли тут неуважения?

– Совсем наоборот, – покачал головой Ханс. – Лашар, видимо, по наущению леди Кобрин, проявил завидную деликатность. Он показал, что не хочет быть назойливым.

– Но потребовал аудиенции!

– Нижайше попросил.

– Ты его защищаешь? – Датос удивленно приподнял брови.

Ментор вздохнул и широко развел в стороны руки:

– Я вижу, вы настроены против Лашара, мой лорд, и пытаюсь сделать так, чтобы ваш гнев и неудовольствие ночными событиями не повлияли на политическую ситуацию.

Удивление Датоса сменилось неподдельным изумлением.

– Гридия отстоит от Кобрии настолько далеко, что говорить о каких-то общих интересах бессмысленно.

– На первый взгляд, – поспешил уточнить Ханс.

– А на второй?

– Леди Кобрин, как нам с вами хорошо известно, смотрит далеко вперед, – заметил ментор. – Ее интересы распространяются на всю империю, и кто знает...

– Я ничего не пропустил?

Наследник, разумеется, вошел без доклада и бесцеремонно перебил Ханса на полуслове.

– Карлос!

– Молодой лорд. – Ментор опустил голову.

– Мы как раз говорили об этих кобрийцах, – сообщил сыну Датос.

– А что о них говорить? – Карлос плюхнулся в кресло и закинул ногу на ногу.

На маленьком резном столике, что притулился в углу кабинета, ждали своего часа пара бутылок красного, однако намекать на то, что следует промочить горло, юноша постеснялся, знал, что отец не одобрит столь раннее начало.

– Кобрийцы получили все, что хотели, и могут убираться. Не думаю, что мы должны им препятствовать.

– Слова настоящего лорда, – усмехнулся Датос.

– Они попросили аудиенцию, – напомнил Ханс.

– Ураган доложил мне. – Карлос покосился на ментора: – Для чего Лашару понадобилась еще одна встреча?

– Возможно, он хочет выразить лорду Датосу и вам, молодой господин, свое уважение и благодарность за помощь в поимке опасного преступника.

Ханс постарался, чтобы последние его слова прозвучали весьма внушительно, надеялся потешить самолюбие юноши, но добился прямо противоположного результата.

– Да уж, очень опасного, – презрительно скривился Карлос, чем вызвал у отца непонятное удивление.

– Преступник убил Егозу, – напомнил Датос. – А это весьма непросто.

– Преступнику повезло, – пожал плечами Карлос. – Фактически я подставил Шахману под выстрел, распорядившись осветить переулок.

– Выстрел еще нужно произвести, – заметил ментор. – Прицелиться...

– Не надо рассказывать мне о бое, Ханс, мы достаточно обсуждали эти подробности во время обучения, – отмахнулся юноша. – Сейчас же я могу сказать одно: человек, которого я убил, не был бойцом.

– Он убил стражника и ранил двоих.

– Это говорит о том, что наши стражники набрали лишний вес и растеряли навыки. Нужно ими заняться, Ханс.

Никогда раньше Карлос не позволял себе подобных выпадов в адрес ментора, и Ханс не сдержался. Порозовевший ментор повернулся к владельцу и, с трудом сдерживая ярость, произнес:

– Мне кажется, молодой лорд все еще возбужден.

Ответить Датос не успел.

– Молодой лорд чувствует, что дело нечисто, – громко сообщил Карлос и тоже повернулся к отцу: – Я не присутствовал на первой аудиенции, которую ты дал этому Лашару, а потому не знаю, о ком мы говорим. Как зовут преступника?

– Ян Стеклодув, – поспешил с ответом Ханс. – Он был учеником Безвариата Сотрапезника.

– Того самого Безвариата?

– Да, того самого, – подтвердил ментор. – Ян Стеклодув пользовался полным доверием Сотрапезника, вел все его дела, а несколько месяцев назад убил своего учителя, ограбил его...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.